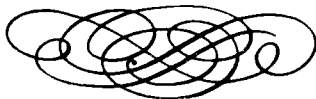
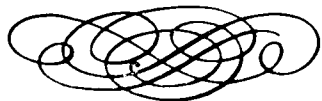

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

SIECLE DES LUMIERS

Москва — Париж
Издательство «Наука»
1970

Moscou — Paris
Edition «Nausa»
1970

Москва — Париж
Издательство «Наука»
1970

Сборник «Век Просвещения» — первое совместное франко-советское издание, выходящее одновременно на русском и французском языках в Москве и Париже. На его страницах выступают известные французские и советские историки, изучающие один из самых ярких периодов в истории мировой культуры и общественной мысли — эпоху Просвещения. Сборник представляет особый интерес для читателя, ибо он посвящен главным образом малоисследованным аспектам истории Просвещения.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание является одной из форм научного сотрудничества советских и французских ученых-историков. Сборник статей выходит под общей редакцией, на русском и французском языках, одновременно в Москве и Париже. По взаимному соглашению Редакция публикует статьи авторов, представленные каждой из сторон, без существенных изменений.

Редакция надеется, что настоящее издание будет началом последующего плодотворного сотрудничества советских и французских историков.

Редакционная коллегия:

Ф. БРОДЕЛЬ,
А. ГУБЕР,
А. МАНФРЕД,
Р. ПОРТАЛЬ,
М. ФЕРРО

Книги, статьи, дискуссии
о Жан-Жак Руссо:

А.Манфред. Жан-Жак Руссо и его время
В.Алексеев-Попов. Лев Толстой и Жан-Жак Руссо
Х.Момджян. Диалектика в социально-политических размышлениях Руссо
А.Манфред. Руссо и современность
А.Собуль. Руссо и якобинизм
В.Алексеев-Попов. Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты
Г.Гобель, А.Собуль. Распространение идей Руссо и истолкование руссоизма
Г.Роланд-Гольст ван дер Схалк. Жан-Жак Руссо. Его жизнь и сочинения
Ж.Дотри. Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Руссо
И.Верцман. Судьба и современная проблематика наследия Жан-Жака Руссо
И.Сиволап. Ж.-Ж.Руссо в советской литературе 1917–1976 гг.
М.Лоне. Своеобразие «Рассуждения о неравенстве» Руссо в интеллектуальной атмосфере его создания
П. де Ман. Аллегории чтения. Руссо
П.Алатри. Изучение политических взглядов Руссо в Италии
Р.Дерате. Руссо и социализм
Т.Занадворова. Ж.-Ж.Руссо и «сентиментальные революционеры»
Т.Занадворова. Жан-Жак Руссо в «Драмах Революции» Ромена Роллана
Т.Занадворова. Теория Руссо о возвращении к природе
Читатели Руссо откликаются - глава из книги *Р.Дарнтон*
«Великое кошачье побоище и другие эпизоды французской культуры»
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
РЕБЕНКА ИЗ НАРОДА:
СЫН ЧАСОВЫХ ДЕЛ МАСТЕРА
(1712—1728)

М. Лоне

орчество Руссо вызвало к жизни множество исследований на протяжении последних двух столетий. Нам представляется, однако, что для углубленного понимания Жан-Жака, как политического писателя, особенно важно проникнуть в ту историческую среду, где протекало его детство, в своеобразный быт предместья эневы, Сен-Жерве, где жили все «вожаки простонародья»: эти как бы притязали на роль некоей элиты. Они отличали себя от простонародья, что, однако, несколько не мешало им в то же время выступать в роли его представителей; они читали толстые книги по истории, политике, морали и религии; они стремились дать своим детям образование, которое позволило бы им сравняться, а не превзойти молодых аристократов города своими талантами, умениями и нравами.

Для тех, кто изучает быт народа¹, очень сложно воскрешать прошлое, поскольку люди из народа почти не писали; но стоит заняться поисками, и тогда выясняется, что можно найти прямые «охраняющие свою ценность свидетельские показания о среде, южившей печать на всю жизнь Жан-Жака.

¹ См. по этому вопросу: J. Emeline. Pour une critique de la littérature populaire.— «Annales de la Faculté des Lettres de Nice», 1969; J. Emeline. Le courrier facétieux: aperçu sur la littérature, la pensée et la culture populaires au XVIIe siècle.— «Revue d'histoire Suisse» (далее — RHS), X—XI, 1967, p. 523—544. В этих двух статьях дается актуальная библиография проблемы.

«Рвенне, с которым ухаживают за детьми королей, не больше того, с каким ухаживали за мною»

Жан-Жак нарисовал райскую картину своего раннего детства. Если бегло прочесть «Исповедь», то выносишь впечатление, что десятилетнего возраста жизнь мальчика была замкнута в буржуазном доме, оставшемся после смерти его матери ее супругу и двум сыновьям.

Проживать на «большой Пекарной улице», в верхнем городе, в двух шагах от городской Ратуши, значило принадлежать к «верхним» людям. Мать Руссо, Сюзанна Бернар, дочь часовых мастера, могла с достаточным основанием причислять себя к «верхним», так как была племянницей «министра» — женеvesкого пастора, удочерившего ее и завещавшего ей свое состояние. Брат Сюзанны Габриель получил образование, которое позволило ему достигнуть чина полковника императорской армии и добиться видного титула инженера женеvesких укреплений. Жан-Жак Руссо не упускает случая подчеркнуть все, что отличало от народа «мать и ее семью». Утверждая, что она была «дочерью Министра», он слегка, вероятно, бессознательно, искажает фактическую картину, но не социальную и моральную правду эпохи: Бернары были весьма «почтенными людьми», и даже аристократы не могли смешивать с простонародьем.

Несколько иначе обстояло дело с семейством отца Жан-Жака. Если дед Жан-Жака, Давид, начал было благодаря своим способностям часовых дел мастера и торговца «отличаться от народа» настолько, что аристократы допустили его к первой ступени почестей, назначен его «десятиником», т. е. начальником квартала, подчиненным офицеру из аристократов, — то выше он не смог подняться, а его многочисленные дети снова спустились на социальную лестницу. «Спустились» в буквальном смысле слова: отец Жан-Жака, Исаак, должен был продать дом в верхнем городе и поселиться в самом простонародном и самом скученном, самом «низком» квартале нижнего города, в предместье Сен-Жерве, по сторону острова и мостов через Рону. Тогда Жан-Жаку было пять лет. Вначале он не сознавал перемены, произошедшей в социальном положении семьи, но в тринадцать лет он вынужден был приступить на работу «учеником».

И вот тогда охлаждение к нему кузена, Абраама Бернара, очевидно им любимого, открыло Жан-Жаку паличие социального барьера между ними.

«Я бил, меня били»

Для женеvesких детей, как и для взрослых, воскресное утро было временем свободы». Родители шли в храм сосредоточиться или завлечься: «Один рассказывает новости, другой говорит о своей торговле, третий о своей игре, а иной и о чем-то похуже»². Дети же исподлобья забегали в храм и сразу возвращались на площадь продолжали там свою шумную возню.

На площади и соседних улицах они играли в войну, а так как самая серьезная война, о которой говорили и в которой участвовали их родители, была гражданская война, то они играли в гражданскую войну. «Говорят, наши отцы одержали победу! Мы захотели одражать им и объявили войну всем папенькиным сынкам, преаннным правительству, а также всем попovichам. В ближайшее воскресенье, к концу последней проповеди, в самую чудесную погоду, школьники «верха» отправились на Трей, а мы устроились за нашею маленькою Синайскою горою (бастией Сен-Леже). Склон Трей был выбран в качестве поля битвы, которая должна была походить во всем на битву у Перрона. Все мы были вооружены длинными жердями и построились в боевом порядке. Мы уже поднимались по склону Трей... когда наши противники бегом пустились и ринулись на нас с такой яростью, что прорвали наш строй вплоть до третьей линии. Два-три наших раненых были излечены из свалки... нам удалось отбросить наших врагов... Мы проследовали их до городской ратуши»³.

Битва у Перрона произошла в 1707 г., но это был лишь один из многочисленных эпизодов борьбы, которой предстояло завершиться революцией 1782 г. В 1704 г. Генеральный Прокурор призывал всех граждан и горожан избегать всяких волнений и слик, как весьма опасных для общего блага и для безопасности государства, существование которого возможно только при палиии совершенного единства всех членов общества»⁴. Однако граждане и горожане, не колеблясь, звали на помощь даже своих жен и детей; в народных кварталах жены и дети обзывали «мамелюхами» рабочих, продавшихся аристократической партии.

² P. M. Masson. La religion de Rousseau, t. I. Paris, 1916, p. 10.

³ Charles Dubois-Melly. Les moeurs genevoises de 1700 à 1760 d'après les documents officiels pour servir d'introduction à l'histoire de la République et Seigneurie de cette époque. II éd. augmentée. Genève et Bâle, 1881, p. 281—282.

⁴ J.-P. Ferrier. Histoire de Genève des origines à 1789. Publiée par la Société d'histoire et d'Archéologie de Genève (далее — SHAG). Genève, 1951, p. 403.

«Несколько женщин из квартала Сен-Жерве были подвергнуты тюремному заключению или высылке за их чересчур активную политическую деятельность в 1707 году»⁵. Силы охраны поря- во главе с магистратом Трамбле, прославившемся своею жестокостью и стремлением подавить все «народные волнения», выданы были в мае 1707 г. отступить перед криком и свистом женщин и детей. В Книге Записей Совета (Registres du Conseil) от 28 мая 1707 г. отмечено, что «дети преследовали их до пшеничных полей, крича «мамелюки»... дети дошли до нижней части города, крича все так же, но там их разогнали палками»⁶.

Слово «мамелюки» связано с событиями, восходящими к временам Кальвина и даже более отдаленным. Вот что об этом говорит «История Женевы» Спона — единственная история края, которою могли пользоваться женевацы в 1730 г.: «Они напали на сторонников Герцогской партии «мамелюками», по имени солдат-рабов египетского Султана, которые, будучи христианами, отступились от христианства, отреклись от свободы своей страны и примкнули к Тиранам»⁷.

В 1707 г. старое прозвище «мамелюк» заклеямило тех умеренных граждан, которые отнюдь не хотели окончательно порвать с Магистратом. Но не только люди из народа предоставляли свои детям свободу подражать им: приведенный выше рассказ о ражании женеваскими мальчишками «битве у Перрона» был напущен на дружбу двоюродных братьев, Жан-Жак не может не заметить, что сан в связи с тем, что аристократическая партия сформировала группу юных «добровольцев» — мы бы это назвали, в начальном периоде нашей Третьей республики, «школьным батальоном» — целью дать юным аристократам 10—12 лет некую довоенную подготовку. Если даже Жан-Жак не участвовал⁸ в этих «подвигах» то он слышал о них от своего брата Франсуа и от отца.

Отец Жан-Жака был вспыльчивым человеком. Он вмешивался во скверное дело, не совсем чуждое политике. Жан-Жак встал на сторону отца и еще более политизировал уголовное дело, оказавшее влияние на его судьбу. Эжен Риттер разыскал в архивах Женевы документы, относящиеся к этому делу. Из них видны

⁵ «Bulletin de la SHAG» (далее — BSHAG), X, 277. Патрик О'Мара приводит в этом замечательном исследовании следующую выдержку из «Registres du Conseil» от 28 мая 1707 г.: «Женщины и дети столпились на площади (Сен-Жерве) и около Кутанс и производили столь сильный шум, что все кругом было ими полно».

⁶ Там же.

⁷ M. Spon. Histoire de Genève, t. I. Genève, 1730, p. 140. Известно, что Руссо читал этот труд у мадам Варанс.

⁸ Позвоительно думать, что участвовал, судя по воспоминаниям детства, приводимым им в «Rêveries».

Жан-Жак несколько приукрасил роль своего отца, но он был прав, подчеркивая политический и социальный аспект этого дела. Граждане Женевы очень гордились своей привилегией, правом осыпать шпагу, а также охотиться, подобно дворянам. Подобно дворянам они не стеснялись топтать и посевы крестьян. Ссора вспыхнула после замечания г. Готье, землевладельца из Мерена: «Пощадите немного наши луга». Исаак Руссо сделал вид, что цепляется из ружья в того, кто сказал это. Оба потом встретились в городе, перебранка возобновилась, и Исаак Руссо сказал капитану Готье: «Ни слова больше. Пойдемте за город, и мы решим это шпагами». Но Готье, памятуя о дистанции, отделяющей человека от человека «низа», ответил, что «ему случалось обнажать шпагу, но с людьми этого рода он пользовался только палкою; послать что упомянутый Руссо вынул свою шпагу и ударил его ею по щеке»⁹.

После этого Исаак Руссо, которому угрожала тюрьма, бежал из Женевы, без надежды на возвращение, а Жан-Жак взял под свою опеку дядя Бернар. Затем он поместил мальчика в пансион, одну из окрестных деревень, вместе со своим сыном Абраамом. В «земном раю» Боссе, у пастора Ламберсье, Жан-Жак очень скоро почувствовал себя жертвой несправедливости. Несмотря на то, что в пансионе, которому из милости дают пищу и воспитание. Может быть, именно поэтому Жан-Жак охотно подчеркивает в «Исповедательской книге» в отношении с воспитателями его кузену отдавалось предпочтение, то в отношениях между ними двумя преимущество было на стороне Жан-Жака, который подсказывал на уроках кузену.

Несмотря на это различие между кузенами, которое не могла скрывать даже самая нежная дружба, они оба оказывались в равном положении по отношению к крестьянским детям: их манеры и маленькие горожан и тот факт, что они были воспитанниками пансиона господина пастора Ламберсье, вызывали насмешки и преследования деревенских школьников. «Я сердился и лез в драку. Маленькие плуты только этого и хотели. Я бил, меня били... тогда приходил в бешенство». Если бы его маленькие товарищи из Сен-Жерве не помогли ему научиться драться, то нельзя было бы понять, каким образом «дитя Короля», холенное его теткою и служанкою, «милою Жаклиной», могло бы проявить инициативу в драке.

⁹ A. XVI, 131—137; «Bulletin de l'Institut National de Genève» (далее — BING), XXIII, 59—66.

Но все это, даже разлука с отцом, протекает в сфере воображения, игры. Пока что еще нет речи о том, чтобы зарабатывать жизнь. Настоящая борьба должна была начаться вскоре. В 1724 оба кузена вернулись в Женеву. Между тем как дядя Бернар «сделал своего сына в инженеры», «обучал его рисованию и элементарной геометрии», «обсуждался вопрос, сделать ли меня часовых дел мастером, стряпчим или пастором». Самому Жан-Жаку больше нравилось бы стать пастором. Но маленького дохода от оставленного матерью имущества, дохода, который приходилось делить с братом, было недостаточно, чтобы получить необходимое образование. Жан-Жак с досадою отмечает, что пока все эти вопросы обсуждались, он оставался без дела у своего дяди, «не переставая платить довольно значительную сумму за свое содержание».

Прошло то время, когда Жан-Жак был «мальчиком из верхних частей города», сыном гражданина и гражданки, отличавшимся своими нравами от народа, хотя гордость побуждала их вместе с простым народом противостоять спеси «господ». Жан-Жаку предстоит по-настоящему приобрести опыт «порабощения».

«Постоянно занятый Римом и Афинами»

Чтобы понять влияние социального деклассирования Жака Жака на формирование его политических идей, надо учесть, что воспитание «дитяти Короля» было, так же как и воспитание Дофиня, политическим воспитанием. Новые документы подтверждают и в этом вопросе достоверность рассказываемого в «Исповедании».

Жан-Жак утверждает, что начиная с зимы 1719 г., т. е. в семилет, среди других серьезных сочинений он стал читать со своим отцом «Историю Церкви и Империи» Ле Сюэра, «Рассуждение Боссюэ о всеобщей истории, биографии знаменитых людей Плуатанаха, «Историю Венеции» Нани. Эти книги, полученные в наследство от пастора Бернара, Жан-Жак приносил в мастерскую и читал их ему во время работы. Указание 1719 г. очень важно, если мы хотим понять, почему книги по истории овладели его умом, оттеснив Овидия, Лабрюйера, Фонтенеля и Мольера, которых он тоже упоминает в числе прочитанных в ту зиму, и почему с этого времени он пренебрегает психологическим и моральными аспектами этих сочинений.

Казнь Пьера Фатио¹⁰, вожака народных волнений 1707

¹⁰ О Пьере Фатио см.: Ch. Du Bois-Melly. Chroniques.— Genève 1706. Nos annales au commencement du siècle XVIII. Pierre Fatio et troubles populaires de l'année 1707. Genève, 1870, p. 128 et suiv.; Andrieux. Corbaz. Pierre Fatio. Genève, 1913.

Фатно был предан именно кабатчиком, у которого проводил сия безумной молодости помешали ему воспользоваться уроками отца, то по некоторым из оставшихся у него склонностей и грубым ругательствам, вырвавшимся у него, можно было бы гадать, что свою раннюю молодость он провел в среде самодовольствия и жизни кружков, восторженным участником коих был низкого, распущенного простонародья. У них-то он, наверно, его отец: «Помню, какое сильное впечатление произвело на меня научился смотреть на пьянство, как на дело дозволенное и почти в детстве одно довольно простое зрелище, которое, однако, похвальное («Письмо к Даламберу о зрелищах», стр. 203). Неуж-запомнилось, хотя прошло с тех пор много времени. Полк Св. отеч учил его восхищаться этим военным праздником, куда Жерве закончил свои учения, и, согласно обычаю, ужинали женщины, конечно, из самого низкого народа, приходили среди ротам. После ужина большинство тех, кто входили в их состав, чтобы смешаться с толпой солдат, танцующих собрались на площади Сен-Жерве и принялись танцевать с них у выхода из кабака? Нет, его отец добавил к той речи, вместе, офицеры и солдаты, вокруг фонтана, на барьер бассейну ему приписывает его сын: Жан-Жак, если ты сохранишь вос-на уселись барабанщики, флейтисты и те, что носили факелы минерале о том, что ты сейчас видишь, не вздумай говорить об Было поздно, все женщины уже спали, но все поднялись... жегих женщинах за пределами Женевы, чтобы твоим согражданам пришли к своим мужьям, служанки приносили вина. Даже де пришлось краснеть от того, что подумают, будто их жены спо-разбуженные шумом, прибежали полуодетые и присоединились на подобную непристойность»¹².

к родителям... От этого произошло общее умиление, которое Это проливает свет на то «умиление», которое могло охватить не берусь описать, но которое испытываешь вполне естественно сердца офицеров: их люди были для них только «толпой солдат», в атмосфере общего веселья, находясь среди всего того, что тогда тех наемников, которые пользуются своими отпусками, что-дорого. Мой отец, обнимая меня, был охвачен каким-то трепетом ночами пьянствовать с публичными девками. Жан-Луи Дюпан, который, мне кажется, я все еще чувствую и разделяю. «Жесточкий представитель женевской аристократии, написав-Жак, — говорил он мне, — люби свою страну. Смотри на этих дей эти строки в 1766 г., не понимал, что эти «солдаты» были рых Женевцев; все они друзья, все братья; радость и согласосто жителями того квартала, где они производили учения, и что царят между ними. Ты Женевец; когда-нибудь ты увидишь две «женщины из самого низкого народа» были попросту их жены. гие народы; но когда пропутешествуешь столько же, сколько ты касается упрека в восхвалении пьянства, который автор дела-отец проезжал, ты никогда не найдешь равного им народа!» Жан-Жаку, то этот упрек нацелен именно против восхваления

В «Письме к Даламберу» Жан-Жак стремился вызвать «кружков», содержащегося в «Письме к Даламберу». Не решаясь своих соотечественников чувство национального единства, что открыто критиковать политическую роль этих кружков, аристо-укрепить в них дух общего сопротивления губительному влиянию пытались их дискредитировать, даже запретить их, приводя французских нравов, роскоши и искусств: поэтому-то он и все документы морального порядка. Но Жан-Жак заранее разоблачил минает с нежностью «офицеров и солдат», танцующих вместо лицемерный подвох и дал обоснование учреждения кружков. Но мы нашли заявление одного женевского аристократа, которое в моральном плане, так и в плане политическом: го шокировало именно то место в «Письме к Даламберу», где «Наши кружки сохраняют в нашей среде некое отображение Жан-Жак хотел поучать и объединить женевцев всех классических нравов. Мужчины, освобожденные от необходимости «Руссо родился гражданином Женевы в 1712 г. Вот как он го-низжать свои мысли до уровня женщин и галантно одевать разум, рит о своем отце, обращаясь к своим должностным лицам в могут между собою вести важные и серьезные разговоры, не опас-священни его Рассуждения о неравенстве состояний: «Я ась быть смешными. Здесь осмеливаются говорить о родине и о могу вспомнить без сладостного волнения... нежные наставлен лучшего из отцов». Если бы Руссо и не добавил, что заблужд:

«Esquisse du tableau de la conduite de Jean-Jacques Rousseau présenté le 24 Mars 1766 aux Seigneurs Médiateurs par Monsr, l'ancien conseiller Je- p. 181—182, note (далее — «Lettre à d'Alembert»); см. также: L.-J. Co an-Louis Dupan de Morillon, déchargé du Conseil en l'année 1757 et mort tois. Jean-Jacques Rousseau soldat.— «Revue d'histoire Suisse», en l'année 1775». Manuscrit de la SHAG, N 128 (inédit).

¹¹ J. J. Rousseau. Lettre à d'Alembert. Ed. Fuchs, Genève, Droz, 19 24 Mars 1766 aux Seigneurs Médiateurs par Monsr, l'ancien conseiller Je- p. 181—182, note (далее — «Lettre à d'Alembert»); см. также: L.-J. Co an-Louis Dupan de Morillon, déchargé du Conseil en l'année 1757 et mort tois. Jean-Jacques Rousseau soldat.— «Revue d'histoire Suisse», en l'année 1775». Manuscrit de la SHAG, N 128 (inédit). (1932), p. 468—476.

добродетели, не рискуя сойти за человека, твердящего одно и то же, осмеливаются быть самими собою и не подчиняться праву какой-нибудь болтуньи. Если ход беседы становится менее вежливым, то аргументы становятся более вескими; тут не довольствуются шуточками и любезностями. Тут нельзя выйти из полонии с помощью острого словечка. В споре друг друга не щадят, каждый, чувствуя, что противник атакует его всеми силами, нужен тоже приложить все свои усилия, чтобы защищаться. Таким образом ум приобретает точность и силу. Если к этому пришиваются иной раз непростойные речи, не надо слишком уж стараться: наименее грубые люди не всегда наиболее честные, несколько грубоватый язык предпочтительнее того более изысканного, на котором оба пола взаимно соблазняют друг друга и сообщаются с пороком, соблюдая приличия»¹³.

Так Жан-Жаку удается контратаковать именно в моральном плане и показать, что салоны аристократов более вредны и нравов женеvцев, нежели кружки, где людям случалось написать. Он спокойно развивает свое преимущество, разоблачая «защитную мысль» аристократов, глубоко скрытую причину их враждебных отношений к кружкам. Эта причина была политическая:

«Граждане одного и того же государства, жители одного и того же города не могут быть отшельниками, они не могут жить всея одни, отдельно друг от друга; если бы даже и могли, не следовало бы их к этому понуждать. Только самый грубый деспотизм вызывает тревогу при виде семи-восьми собравшихся человек всегда опасаясь, чтобы их разговоры не вращались вокруг нищеты»¹⁴.

Между тем нам известно из «Исповеди», что отец Жан-Жак был кутилой, что он «любил также свои удовольствия» и что в разговорах речи нравственные и патриотические «о родине добродетели» перемещивались с сальными разговорами: не было бы сомнения в том, что в кружках своего квартала он был, себя дома. И если мы попытаемся уточнить, какие кружки он ессал, кого он там встречал, то мы находим опять годы 1718, 1719 и номер 15 улице Кутанс — тот самый дом, где Исаак Рюродный брат Руссо, был во главе первого «представительства» поселился в 1717 г.¹⁵

¹³ «Lettre à d'Alembert», p. 140—141.

¹⁴ Ibid., p. 145.

¹⁵ См.: «Mémoires et ducements publiés par la SHAG» (далее — MDSA IX, 409—420; Patrick O'Mara. Geneva in the Eighteenth Century; A cio-Economic Study of the Bourgeois City-State during its Golden thèse dactylographiée. University of California, 480 p.

Главарь народной оппозиции в квартале Сен-Жерве после 17 г. притихли. Но в 1716, 1717 и 1718 гг. должностные лица постоянно оказались перед фактом возобновления манифестаций. Первая была направлена против нового обложения — на бумагу, гановленного аристократами без обращения к Генеральному Сою, т. е. собранию граждан, за разрешением. 11 октября 1718 г. чта из Лиона доставила многим женеvцам анонимное печатное сьмо, содержавшее резкие нападки на Малый Совет: «Обложить род хотя бы одним денье без его согласия есть акт тирании»¹⁶. сьсяц спустя, 19 ноября 1718 г., второе анонимное письмо стало распространяться по этим же каналам, и в нем повторялись обвинения в адрес Малого Совета. На сей раз аристократия встревожиась, провела допрос нескольких граждан, оказавшихся адресатами этих писем, и с изумлением убедилась в том, что они одобряют содержание, что «эта политическая ересь весьма распространена, что среди публики ходило много копий первого письма, что зло постоянно прогрессировало, что Советам надлежало приложить все усилия к тому, чтобы его пресечь и вернуть на правильный путь большую часть нашего народа, который, по-видимому, чуждается гистрата и полон недоверия ко всем постановлениям»¹⁷.

Малый Совет был обеспокоен не только фактом распространения «двух мятежных писем», но и их содержанием: это не были обычные разглагольствования, какими слишком часто представлялись речи и печатные выступления последователей Фатю в 1707 г. сьма выдержаны в умеренном, даже ученом тоне: «Речь идет о том, возможно ли установить у нас совершенную форму правления, а о том, является ли та форма, которую у нас хотят установить, тою же, что существовала у нас вплоть до 1570 года. Но как выяснить, не изучив происхождения этой конституции!»

Три недели спустя, 7 декабря 1718 г., народная элита практически тот же вечер другая делегация, от ремесленников-граверов, во главе с Дассье, явилась к магистратам. На следующий день квартал Сен-Жерве опять делал свои «представления», содержание горых было еще серьезнее: они требовали созыва чрезвычайно Генерального Совета. 9 декабря было организовано еще четыре

J. S. Spink. Jean-Jacques Rousseau et Genève. Paris, 1934, p. 16.
P. O'Mara. Article cité, p. 249.

делегации, и присутствие трех присяжных мастеров часовых символизировало участие в этих манифестациях могущественной корпорации ремесленных мастеров.

Малый Совет сделал из этого вывод, «что многие из народа и даже самых порядочных и самых зажиточных из буржуазии были предубеждены в этом вопросе о налогах свободно об этом говорили». Он решил «пресечь зло в самом корне», и 15 декабря по городу были расклеены афиши с объявлением, в котором оба письма были названы подрывными и запрещались всякие «соборания, махинации и происки». Это только усилило недовольство и вызвало новые манифестации. До ежегодных выборов оставалось пятнадцать дней. Малый Совет испугался, не дал понять, что налоги будут уменьшены, и наказал только одного человека, избранных козлами отпущения, не трогая вожяков.

Для нас представляют интерес имена этих вожяков. Франсуа Терру, глава движения, жил в доме № 15 по улице Кутанс. Во втором этаже того дома, третий этаж которого занимал Исаак Руссо. В соседнем доме жил Франсуа Бадолле, другой вожак волнения 1707 г. В № 20, в доме Абраама Кассена, одного из руководителей делегации 8 декабря, проживал Давид Руссо, дед Жан-Жака. На той же улице Кутанс жили также Исаак Соре, брат упомянутого выше Фредерика Соре, член возглавленной последним делегации, Антуан Мюссар, брат Пьера, который был инициатором создания делегаций. Что думали эти люди, что они читали?

Изучение инвентарей, составлявшихся после смерти, позволяет с достаточной точностью установить численность и содержание библиотек женевских ремесленников в начале XVIII в. Благодаря указаниям, содержащимся в машинописной диссертации и цитированной статье Патрика О'Мара, мы имеем сведения о содержании библиотечек четырнадцати ремесленников, находившихся в определенных отношениях родства, дружбы или соседства с семейством Руссо.

В этих библиотечках чаще всего встречаются сочинения латинских и греческих авторов: Цицерона, Вергилия, Сенеки, Корнелия Непота, Гомера, Фукидида, Геродота; самоучители древних языков, греческие и латинские словари, Библия, Комментарии Бюффона, Макпавелли, Паскаль, Мольер, Буало, «Словарь» Бюффона, «Экономический словарь», а также сочинения Локка и Вольтера.

Интересно отметить, что владельцы этих библиотечек являлись главными вожяками движений 1707, 1718 и 1734 гг. Как видно в этом тесном и сплоченном кругу, куда входило и семейство Руссо, живо интересовались определенной политической литературой. Нам не следует поэтому торопиться с заключением, что Жан-Жак в посвящении к своему «Рассуждению о неравенстве

давшись сыновней любви, дал слишком лестную картину терской своего отца, утверждая, что наряду с орудиями своего ремесла он держал здесь и сочинения Тацита, Плутарха и Цицерона.

Мы должны отвести только одно утверждение: будто Исаак Руссо воспитывал Жан-Жака «в должном почтении к «славным и уважаемым Сенборам». Мы видим обратное: Исаак дал ребенку пример бунта, правда, несколько путаного, сильного на первый взгляд, но малоэффективного, поскольку он кончился бегством. И касается книг, прочитанных Жан-Жаком, нет оснований сомневаться в том, что он действительно читал Тацита, Плутарха и Цицерона. Правда, эти книги не упоминались в описях библиотек деда и соседей Исаака Руссо. Но они вполне могли находиться в числе «дюжина книг по древней истории» или даже в тех «корзинках, наполненных романами», которые потариусы не давали ребенку подробно описать. Мы видим в них Саллюстия и Корнелия Непота, Фукидида и Геродота, Макпавелли и Дю Вера, Локк — почему бы не быть там Тациту и Гроцию и тем более Плутарху — «Плутарх особенно стал моей любимой книгой. Удовольствие, которое я его непрестанно перечитывал, излечило меня от романов, и я вскоре Агезилая, Брута и Аристиду стал предпочитать Орондату, Артамену и Жюба. На этих интересных книжках и в беседах, которые они порождали между моим отцом и мной, сформировался тот свободный республиканский дух, тот независимый и гордый характер, не терпящий ига и рабства, который мучил меня все то время, что мне пришлось жить в услужении, наименее подходящих для того, чтобы дать ему выход. По-настоящему занятый мыслями о Риме и Афинах, живя так окруженный великими людьми, будучи рожден гражданином Республики и сыном отца, у которого любовь к родине была самою сильною частью, я воспылал ею подобно ему. Я считал себя Греком или Италианом. Я становился тем лицом, о жизни которого я читал. Поражавшие меня рассказы о постоянстве и бесстрашии зажиточных и блестящих в моих глазах и давали силу моему голосу. Однажды, когда за столом я рассказывал о Муции Сцеволе, все испугались, как я подошел к жаровне и протянул над ней руку, чтобы доставить его подвиг»¹⁸.

В этом и ряде других фактов из раннего детства, рассказанных самим Жан-Жаком, есть одна общая черта: рано проявившаяся склонность к героическому страданию, которая, однако, нашего маленького кальвиниста принимала форму подражания

не Иисусу Христу, а великим людям древности: в народном бражении образ расстрелянного Пьера Фатио был, вероятно, ярким, чем образ распятого на кресте Иисуса, или, вернее, евские ремесленники испытывали ту же жалость, смешав с благоговением, к праведнику, падшему жертвою великих сего, и Святому, погибшему из-за тщеславия фарисеев. Мы видим, что в течение всей своей жизни Жан-Жак не перестает скивать и вызывать в самом себе, через преследования, образ коего политического Христа, друга бедных, ремесленника, вознаградить вождем людей, или Законодателя, пришедшего к мысли необходимости вложить свои декреты в уста Бессмертных. В е ребенка, да и многих взрослых в XVIII в. и в наши дни и Следовательно, по мнению Жан-Жака, существует абсолют-тика и религия нераздельны. В маленьком Пардайане, став антагонизм, и при этом в двух планах, между верхним клас-Жан-Полем Сартром¹⁹, тоже было что-то и от миссионера, и народом: в плане экономическом и социальном — роскошь рога пытались злые китайцы, и от кавалерийского полковника, ных и богатых есть основная причина нищеты и безгражд-шенного огнем неприятеля: все вместе произвело писателя сти простого народа; в плане политическом — честолюбие литического мыслителя. Плутарх, прочитанный семилетним астолюбие богатых и знатных неизбежно должны столкнуться с представлением о своих правах и обязанностях, которое су-публиканцем, произвел на свет «Общественный Договор»

«Усвоив пороки моего сословия, я не полностью усвоить его склонности»

В своих сочинениях Жан-Жаку случается вкладывать разное содержание в слово «народ». Он не всегда различает «на-и «простонародье». Он пишет: «Родившись в семье, отличае-ся своими нравами от народа, я получал только уроки мудр-и примеры чести от всех моих родственников». Это значит ве-определенно, что элита ремесленников Сен-Жерве отличалась не отделялась от народа.

Чаще всего слово «народ» имеет под пером Жан-Жака хва-ное значение, он сам хочет быть народом, но он не хочет, ч-народ смешивали со «сбродом». С юных лет его представлени-обществе вполне сформировалось и остается неизменным: нева и также, но в меньшей степени, Франция состоит из «сословий», которые не совсем совпадают с «сословиями» феод-ного мира: это уже «классы». Ошибкою было бы думать, что мин «классы» является здесь анахронизмом: он был по мень-мере столь же употребительным в Женеве XVIII в., как «сосло-или «сосостояние».

Верхний класс — Жан-Жак избегает называть его высшим — «глые» или «богатые». Он стремится овладеть политической-тью и поэтому будет постепенно подавлять демократические-субликанские традиции, а во Франции — даже естественные а народа. Священники и писатели, по словам Жан-Жака, и полностью связаны с этим классом. Эти люди, соглашаясь одить обоснования под совершившиеся факты и превращать право, чтобы склонить народ к повиновению, получают за вознаграждение: они участвуют в роскоши, т. е. «в распут-«того сброда, который зовется большие баре». Но эта рос-е, может быть излечена только «из пота, крови и труда наро-Следовательно, по мнению Жан-Жака, существует абсолют-антагонизм, и при этом в двух планах, между верхним клас-и народом: в плане экономическом и социальном — роскошь ных и богатых есть основная причина нищеты и безгражд-ности простого народа; в плане политическом — честолюбие астолюбие богатых и знатных неизбежно должны столкнуться с представлением о своих правах и обязанностях, которое су-жет среди элиты народа, среднего сословия, класса реме-нников.

В Женеве средний класс составляют ремесленники, точнее, зники, так как другие профессии обычно зависят от произ-два часов. Ремесленники были в то же время мелкими тор-ми. Во Франции к ним можно присоединить зажиточных еладельцев и мелких служащих. В политическом, социаль-и экономическом плане этот слой, несомненно, представляет о «золотую середину». В плане моральном он претендует на образца, на то состояние человечества, которое наименее шуту порчей, в котором добродетели избегают всякой-ности, а противоположные качества гармонически сочета-

Сословие низов, простонародье, сброд охватывает рабочих или-нников, батраков и лакеев, учеников и подмастерьев, не яв-щихся наследниками ремесленников-мастеров, наконец, весь оддающийся определению неустойчивый мир «оборванцев», ботных и людей тысячи профессий, которые не кормят своих-ников. Существует тайная связь между двумя крайностями, у сбродом лакеев и сбродом больших сеньоров: последние для ержания своего господства и своей роскоши нуждаются в

ть много сходных черт у этого «среднего класса» с «free people» Ан-и XVIII в. (см.: Olivier Lutaud. Les Niveleurs, Cromwell et la Répub-ue. Paris, 1967, p. 24, 28, 56).

¹⁹ J.-P. Sartre. Les mots. Paris, 1965.

рабских душах и руках, в развращенных людях. Это соучастие, которое он находит свое выражение в некоем молчаливом соглашении, в котором те и другие вправе взаимно обкрадывать друг друга, но «не заходя слишком далеко». В плане политическом увидим, что в самой Женеве аристократы постоянно пытаются расширить свою власть путем разделения народа, действия подкупая людей из низов, соглашавшихся продать или насильно изголодавшихся, что они вынуждены были мириться с отсюда и пошли «мамелюки».

Для Жан-Жака факт сведения его на положение ученика надежды стать когда-нибудь мастером означал «порабощение», которое во многих отношениях действительно походило на рабство. «Тирания хозяина порождала у меня отвращение к труду, который я мог бы любить, и такие пороки, как ложь, лень, воровство, которые я бы ненавидел. Ничто не могло дать мне лучше различие между сыновней зависимостью и подлым рабством. Воспоминание о переменах, которые произвело во мне то видение, я пользовался честной свободой, которая до того лишь постепенно ограничивалась и, наконец, совершенно исчезла. Я был рабом в доме моего отца, свободным у г. Ламберсье, сдержанным у моего дяди; у моего хозяина я стал боязливым, и с тех пор я погибшим ребенком. Представьте себе, во что я должен был превратиться, когда, привыкший жить в условиях полного равенства со старшими, я оказался в доме, где я не смел открыть рта, где я должен был выходить из-за стола, когда прошла лишь треть трапезы, и сразу выходить из комнаты, если у меня там не было какого-либо дела, где я был постоянно прикован к своей рабской работе, где я видел удовольствие только для других и лишения для меня, где вид свободы, которую пользовались хозяин и подмастерья, усугублял бремя моего порабощения»²¹.

Последствия этих перемен затрагивают те зародыши политических идей, которые были заложены в сердце и в уме Жан-Жака, которые в рабочей элите Сен-Жерве: «Мой хозяин, по фамилии г. Вольтер, был грубый и резкий молодой человек, который сумел за короткое время погасить весь блеск моего детства, огрубил мое сердце, лишил меня сердечный и живой характер и низвести меня в умственное рабство, пошлости, как и в имущественном, к моему истинному положению ремесленного ученика. Моя латынь, мои древности, моя история, все это было забыто надолго: я даже не вспоминал о том, что я когда-то на свете Римляне».

Однако внутренний конфликт между Сцеволой и Ларидоном²², между образом римского героя и образом шелудивой собаки, между добродетелью и примирением с подлым рабством протекал не без драматизма и не без появления неких странных цветов в сознании Жана-Жака и отрока. Склонный давать своим действиям интеллектуальное и моральное оправдание, он придумал — или воспринял от своих товарищей по несчастью — некоторые идеи, которые могли стать, как скажет Вольтер, «философией некоего оборванца», философией всех оборванцев. Сначала он пытался возвести в принцип абсолютную преданность главарю воров и восстановить, хотя бы внутренне, то благородство «лаконизма», которое давало оторванцам силу терпеть, когда их грудь терзал украденный ими человек:

«У моего хозяина был подмастерье, г. Верра... Денег у него было мало, и он задумал украсть у своей матери молодую спаржу, чтобы затем несколько раз хорошо поесть. Самому подмастерью рисковать не хотелось... и он выбрал меня для этого дела... Я долго спорил; он настаивал. Я никогда не мог сопротивляться, а меня ласково упрашивали; я уступил... Я выполнил свою рабскую проделку самым точным образом. Моим единственным побуждением было угодить тому, кто меня заставил это сделать. Между тем, если бы я попался, сколько побоев, брани, жестокостей выпало бы на мою долю, тогда как тому негодию повестись бы на слово, когда он отрекся бы от меня, а я был бы накачан двойне, если бы осмелился возложить вину на него; ведь он был подмастерьем, а я — всего только учеником. Вот как в любом рабстве жении сильный преступник спасается за счет невинного, но не за счет такого рода оправдания Жан-Жак пришел затем к более простому: к идее кражи как возмещения. Как знать, не зародилось ли в беседах ремесленных учеников, когда они, играя, подражали своим учителям и интригам рыцарских орденов, или по воскресеньям после уроков отправлялись бандою гулять, не зародилось ли или не произошло ли из темной традиции мира рабов, крепостных и подмастерьев то, что в XIX и XX вв. станет анархистской теорией индивидуального взятия обратно? То, что ныне на арго некоторых парижских рабочих называется установлением «защиты» (или индивидуального воровства внутри завода)? Не эта ли диалектика действия в том абзаце «Исповеди», где некая хорошо известная детская

ридон — имя породистой собаки из басни Лафонтена «Education», павшей в дурную обстановку и вследствие этого опустившейся (прим. перев.).

²¹ Oeuvres de J. J. Rousseau, t. I, p. 31.

логика представляется нам неопровержимым доказательством аутентичности:

«Продолжая терпеть жестокости, я вскоре стал менее чувствительным к ним. Наконец, они стали мне казаться возмездием за воровство, дававшим мне право продолжать его. Вместо того чтобы поворачивать глаза назад и смотреть на наказание, я направлял глаза вперед и искал мести. Я считал, что раз меня не крадут и не бьют, это согласуется одно с другим и образует некоторое состояние, и что, выполняя ту часть этого состояния, которая зависит от меня, я мог оставить моему хозяину заботу об остальной части. Придя к такому заключению, я принялся воровать спокойнее, чем раньше. Я говорил себе: что может быть в моем счете? Меня побьют. Что ж, я для этого создан»²³.

Суровая педагогика города Женевы, заставлявшая фальшивомонетчиков ходить по городу с железным ошейником, выслушивать издевательские шутки ребят, несмотря на свою барскую жестокость, оказала лишь слабое действие на души монетчиков:

«Я вырезал своего рода медали для себя и своих товарищей рыцарскому ордену. Мой хозяин застал меня за этой контрнатурной работой и обрушил на меня град ударов, говоря, что я участвую в производстве фальшивых монет, потому что на медалях был изображен герб Республики. Я могу поклясться, что у меня не было никакой мысли о фальшивой монете и о настоящей. Я лучше знал, как делались римские ассы, чем делаются наши монеты в три су...

Я уверен в том, что отвращение к краже денег... в большинстве случаев привито мне воспитанием. К этому добавлялись тайные мысли о позоре, о тюрьме, о наказании, о виселице, которые привели меня в дрожь, если бы я испытал соблазн. Тогда как мои предшественники казались мне только шалостями, и это так и было в самом деле. Все это могло привести только к тому, чтобы мой хозяин немедленно выдрал, и к этому я заранее был готов».

Наконец, Жан-Жак находил удовлетворение в том, что, будучи в озорстве, становясь как бы главою банды в меньшей мере одним из самых дерзких озорников. Это он выразил «для себя и своих товарищей» «своего рода медали рыцарского ордена» и был избит за эту «контрабандную работу». Это было самым серьезным нарушением дисциплины, которую он соблюдал, соблюдая сигнал к тушению огня и не считаясь с временем

²³ Oeuvres de J. J. Rousseau, t. I, p. 35.

городских ворот: «Увлечшись играми, я горячился и заходил выше всех других; меня трудно было поколебать и сдерживать. Но со мною было всегда. На загородных прогулках я всегда шел вперед, не думая о возвращении, если другие не напоминали об этом. Я попался на этом два раза»²⁴. Это он, наконец, умел обкрасть своего хозяина самым эффективным образом: воруя всего больше рабочих часов для тайного чтения, он брал у него наиболее основное средство освобождения от рабства, ту культуру, которую отупляющее действие ремесленного ученичества чуть не уничтожило.

Однако, усвоив пороки моего сословия, я не смог полностью изменить его наклонности. Развлечения моих товарищей нагоняли на меня скуку, а когда чрезмерные притеснения вызвали у меня отвращение к работе, мне все надоело. Это вернуло мне вкус к чтению, который я, было, уже давно потерял. Чтение, происходившее в свободное время, стало новым преступлением и навлекло на меня наказание. Но запрет только усугублял это влечение, став страстью, какой-то яростью. Ла Трибю, дававшая книги напрокат, приносила мне книги всякого рода»²⁵.

Всякого рода: уж наверно в пачках книг, периодически обновлявшихся в багаже подпольных бродячих торговцев, оказывались среди порнографических, астрологических или религиозных книг, где-нибудь между двумя выписками Bibliotheque bleue de Geneve, какой-нибудь политический памфлет, женевский или французский, или даже какой-нибудь легендарный рассказ о Картуше и Мандрен, которые крали у богатых, чтобы дать хлеба бедным. Ла Трибю случалось иметь неприятности с полицией, которая терпела ее только потому, что она, вероятно, служила ей шпионкой, но не доверяла ей и часто производила у нее обыски: предлогом для этого было стремление охранять религию, нравы и добрые нравы, но Магистрат отчетливо понимал, что дела религии и дела государства тесно связаны между собой и потому, выполняя обязанности «цензора нравов», не пренебрегал од-

Oeuvres de J. J. Rousseau. t. I, p. 41.
там же, стр. 39.

Учение «мифа» о Картуше и Мандрене кажется нам одним из интереснейших направлений для исследовательской работы. Вот некоторые из них на этом направлении: J. Lorédan. La grande misère et les voleurs XVIII-e. Marion du Favouet et ses associés, 1740—1770. Paris, 1910; Esmonin. Etudes sur la France des XVII et XVIII siècles. Paris, 1910 (в частности, главы об Урбене Грандье и Мандрене); см. также: Гольцгер. Загиг, гл. XIV (Разбойник).

повременно ролью хранителя общественного порядка и уста-
новленной Конституции.

Мы располагаем доказательством того, что в 1728 г. поли-
кое сознание юноши Жан-Жака не было полностью по-ла-
тремя годами ремесленного ученичества. Один женевский ре-
ленник, очень близкий к друзьям отца Руссо (это либо Ж-
тист Толло, либо Изаак Марсе), привел еще в 1751 г. свой вар-
рассказа о периоде ученичества Жан-Жака, подтверждающ-
важную роль, которую сыграли его привычка к чтению и неу-
тимая потребность свободы и достоинства, в решении бежа-
Женева:

«Господин Руссо, урожденный в Женеве, — сын часов-
вынужденного из-за одного дурного дела покинуть свою Ро-
Молодой Руссо был отдан в ученики к одному граверу в на-
городе. Но у него не было склонности к этой профессии, а
большое влечение к чтению. У него всегда была в кармане к-
и, как только мастер уходил, Резец уступал место Книге. Уче-
за это часто попадало. Однажды наказание дошло до насильст-
ных действий. Исполненный досады, юный Руссо покинул Же-
и бежал в Савойю»²⁷.

Есть нечто, объединяющее этот рассказ с тем, как сам Р-
описывает то же событие на страницах «Исповеди» в 1766 г.
что швейцарский журналист называет «досадою» на побои, а
Жак — клятвой «никогда не возвращаться к хозяину», —
стремлением вернуть себе свободу своего детства — детства не-
правного Гражданина.

«Граждане и Жители: единство реме-
ного класса».

Эрудиты подчеркивают, что термин «Гражданин» не и-
Женеве того значения, которое он примет во Франции в зу
революции. Без конца перетряхивают одни и те же тексты с и-
напомнить, что женевская Конституция различала с политиче-
точки зрения четыре или пять «классов» или «сословий»²⁸
самой высокой ступени находились Граждане и Горожане: те-
они были членами Суверена, т. е. Генерального Совета, из-
т

²⁷ «Journal Helvétique ou Mercure suisse», X, 1751.

²⁸ Последняя по времени издания работа по этому вопросу — это се-
лие Оливье Крафта (Olivier Krafft. Les classes sociales à Gene-
la notion de Citoyen, dans «Jean-Jacques Rousseau et son œ-
p 219—299).

закон и выбиравшего должностных лиц. Граждане и Горо-
пользовались также экономическими привилегиями, и масте-
месленники ревниво следили во избежание конкуренции за
нением, если не за усилением этих привилегий. Чтобы быть
данном, надо было родиться в городе и быть самому сыном
данна. Горожанином был тот, кто, не будучи Гражданином,
бил за деньги «грамоту на звание Горожанина» (lettres de
eoisie): эта грамота давала ему право выбирать в Совет, по-
вала права быть избранным на главные должности. Грамота
а право заниматься любой торговлей или промыслом. Нако-
она гарантировала от произвольных изгнаний: Горожанин
ить изгнан только на основании судебного приговора.

иже Граждан и Горожан находились Уроженцы, люди, родив-
в городе, но от родителей, которые были простыми Жителя-
е Гражданами и не Горожанами. Жителями были иностран-
супившие право проживания в городе, они платили налоги
тяжелые, чем Граждане и Горожане. Помимо этого Урожен-
Жители не имели права заниматься самыми выгодными про-
ями или же, если имели это право, то оно было обставлено
еством ограничений, что делало крайне трудной реальную
ренцию с Гражданами и Горожанами.

р-конец, на самой низшей ступени стояли Подданные. Это были
гы-наемники, крестьяне территорий, находившихся под же-
им господством, а также все бедняки, которых случай привел
еву. Женевская традиция и чувство религиозной солидарно-
обуждали отличать Беженцев-протестантов от других Под-
их: Беженец вскоре становился Жителем.

и различия заставили многих юристов и историков, вплоть
них дней, ставить вопрос о том, не была ли женевская демо-
фактически аристократией Граждан, внутри которой дей-
сла олигархия богатых семейств. Этот вопрос имел бы важ-
значение для правильного понимания чувств Жан-Жака к
у своего города и конкретного значения, которое он вкладыв-
слово «гражданин», если бы только этот вопрос не был по-
ен слишком отвлеченно. В Женеве начала XVIII в. было
от 20 000 до 25 000 «душ». По глобальным оценкам нынеш-
сториков и некоторым документам того времени Граждане и
ане представляли собою от 1 500 до 4 000 мужчин в возрасте
25 лет. Такие приближения обходят существо вопроса: если
гивалось 4 000 глав семей Граждан или Горожан, то Гене-
ый Совет реально представлял абсолютное большинство
в Женеве, поскольку в соответствии с традицией, действо-
й во всей Европе XVIII в., их воля была также волею их жен

и детей. Если же было только 1 500 глав семей Граждан и жан, то они представляли значительное меньшинство, но мер-ство, которое в действительности диктовало законы всему Женева, несколько не заботясь об общей воле этого

Если бы мы располагали только теми несколькими текстами на основе которых сделаны эти подсчеты, такие приближения, смотря на их недостаточность и на отсутствие реального знания, могли бы еще быть уместны. В действительности, только историки и юристы помещала им пойти дальше. Женева все еще ждет исследователя, который бы правильно интерпретировал реестры периодических переписей, производившихся в каждом квартале по приказу Магистрата²⁹. Эти реестры достаточно точны и полны, чтобы дать нам правильную картину Женева XVIII в. не только с политической точки зрения, но и с социальной и демографической точек зрения: обычно указывается профессия главы семьи и состав семьи и наличие прислуги и жильцов. В реестрах, дачу не входило переносить на 25 000 или 30 000 карточек, содержащиеся в реестрах Десяток за годы 1707—1711, для того, чтобы решить вопрос о соотношении между Гражданами и Горожанами, с одной стороны, и Уроженцами и Жителями с другой, необходимо было предпринять как общий анализ реестров, так и достаточно широкие выборочные исследования. Будущие историки составят исчерпывающую картотеку, определят, как грешность наших расчетов,— думаю, что она не превышает

и Горожанами, с одной стороны, и Уроженцами и Жителями с другой, необходимо было предпринять как общий анализ реестров, так и достаточно широкие выборочные исследования. Будущие историки составят исчерпывающую картотеку, определят, как грешность наших расчетов,— думаю, что она не превышает

Но сначала надо уточнить общую численность населения в XVIII в. Последний демограф, работавший над этой темой, очень справедливо заметил, что «указания о численности жителей Женева противоречивы»³⁰. Поэтому необходимо не только обратиться к первоисточникам, на которые мы уже вергнут критическому исследованию самые эти первоисточники и посмотреть, нельзя ли получить более надежные цифры. Большинство историков не указывают точного года, для которого дают оценку, видимо, считая, что население не могло измениться на протяжении нескольких лет; они обычно

начале XVIII в.». С другой стороны, они не уточняют, идет ли о городе Женева (intra muros) или о территории Женева (intra et extra muros)³¹.

Поскольку в XVIII в. для жизни и политических идей имело значение только то, что происходило внутри города (реестры «десятников» даже не указывают населения, обосновавшегося за стенами города, в кварталах Плен-Пале, О-Вив и Паки), мы будем говорить только о населении intra muros; «подданные», жившие чертой городских стен под господством Женева, до Французской революции не имели политического существования. Впрочем, можем установить благодаря двум частным переписям, какова примерно численность этого населения за чертой стен: в 1754 г. в кварталах Плен-Пале, О-Вив и Паки проживало 1254 человека; в 1787 г. в кварталах Плен-Пале, О-Вив и Паки насчитывалось 1787 человек. За отсутствием более полных сведений можно считать, что население, проживавшее за стенами города во время молодости Руссо, были крестьяне, не участвовавшие в политической жизни и, насколько можно об этом судить, не принимавшие участия в ней.

числе же собственно жителей города, intra muros, можно дать по реестрам Совета (Registres du Conseil). Для интересующих нас времени (т. е. юные годы Руссо) существуют данные по двум годам: году, предшествующему рождению Жан-Жака, 1711, и году, предшествующему его отъезду в Боссе, 1721. По этим данным, население города Женева исчислялось в 18 500 человек³², а в 1721 — в 20 781³³. Эмиль Вальтер взял на себя труд сверить данные с ведомостями «десятков», сохранившимися до наших дней. Он пришел к заключению, что для 1711 г. более точной будет цифра в 17 870, а для 1721 г. — 19 700. Стало быть, до получения обширной информации мы должны исходить из максимальной цифры в 20 000 душ во всех наших приближениях. Можно ли уточнить, как эти 20 000 душ распределялись по различным категориям того времени, сколько было Граждан и Горожан и сколько было Уроженцев и Жителей?

²⁹ Archives de l'Etat de Genève. Recensements, A. 3-A. 6 (1707—1711).
³⁰ Emil J. Walter. Genfer Volks- und Berufszählungen des XVI und XVII Jahrhunderts. Sonderabdruck aus «Schweizerische Zeitschrift für Geschichte und Statistik», 1964, S. 337—345.
³¹ intra muros — в черте городских стен. Intra et extra muros — в черте и за чертой городских стен (лат.) (прим. перев.).
³² Registres du Conseil (далее — RC) 210, p. 274—275.
³³ Там же, стр. 71.

Следующие цифры представляют собою самые точные оценки, которые возможно дать на основе указаний, содержащихся в законах десятилетиях.

Нашим выборочным обследованиям подверглись 13 «десяток» из 25: в числе 3 578 глав семейств мы насчитали 1080 Граждан или Горожан и 1429 Уроженцев или Жителей (звание оставалось 1069 глав семейств не было указано в списках Десятков) гипотеза представляется отныне исключенной. Граждане и Уроженцы не являются большинством, даже относительным, население Женевы. Можно также считать более или менее установленным, что они заметно менее многочисленны, чем Уроженцы и Жители. Впрочем, наши выборочные обследования подтверждаются данными показаниями конца XVII и начала XVIII в. В своей «Genevina» (1685) историк Грегорио Лети указывает, что население Женевы распределялось следующим образом: «около 3000 приходится на граждан и горожан и несколько больше на уроженцев и жителей: всего 25 000 человек, из коих надлежит считать 3000 способных носить оружие, а именно 1500 граждан или горожан и 1500 уроженцев или жителей. Здесь имеются в виду старшие 15 лет и моложе 60-ти»³⁴.

Конечно, оценки Лети весьма приблизительны. Он не учитывает тех, кто не Граждане и не Горожане, не Уроженцы и не Жители, и слишком арифметически делит «3000 семейств, составляющих женевскую общину», на две половины. Несколько дальше, анализируя политический и военный строй Женевы, он вносит изменение в одну из этих цифр: продолжая говорить о «Генеральном совете... состоящем, самое большее, из 1500 членов»³⁵, он повышает численность «буржуазной милиции» до 3500 человек. «Половина из них женевские граждане, а другая половина — уроженцы или жители, но все хорошо расположены и полны рвения в деле общей родины»³⁶.

Если в 1685 г. численность обоих классов была приблизительно одинакова, то к 1707 г. число Уроженцев и Жителей, по-видимому, решительно превышало число Граждан и Горожан. Дюбуа-Жан-Жака, точность и четкость которого мы могли проверить во многих столетиях, говоря о годах 1703—1707, отмечает, что «простых жителей стало больше, чем горожан»³⁷.

Итак, когда Уроженцы и Жители начинают формулировать собственные требования, появляются *Записки, касающиеся Женевцев*, рукописи которых мы разыскали; некоторые содержащиеся в них указания наводят на мысль, что их авторами являются Уроженцы и Беранже, два главаря «Уроженцев». Вот что мы там находим: «Численность граждан гораздо ниже нашей, а если из числа вычесть тех, кого богатство освобождает от необходимости работать, тех, кто имеет должности либо в Женеве, либо в кантонах, наконец, всех тех, кто занят главным образом торговлей, то та их часть, которая занимается ремеслами, окажется меньшей»³⁸.

Перепись 1781 г., первая сохранившаяся для нас глобальная и точная перепись, определяющая соответственную численность лиц различных сословий в общем народонаселении, по крайней мере в отношении мужского населения, дает четкое подтверждение направленной этой эволюции: там указано 2965 Граждан и Горожан и 5165 Уроженцев и Жителей (3810 «Уроженцев, мужчин и 1355 «Жителей, мужчин»). Старый демограф Эдуард Малотторый приводит эти цифры³⁹, делает из них вывод, что в 1781 г. население Женевы состояло на 26% из Граждан и Горожан, на 46% — из Уроженцев и Жителей и на 28% — из иностранцев. Его комментарий, подкрепленный новым текстом, датированным 1766 г. («число граждан значительно ниже нашей численности», представляется нам весьма существенным:

«... стало быть, в этом отношении существовало противоречие между юридическим и фактическим положением, и это противоречие становилось все более чувствительным по мере того, как Уроженцев, постепенно возраставшее вследствие большой потребности приема в сословие Горожан, в конечном счете стало его превышать число Граждан»⁴⁰.

Таким образом, по нашему мнению, тот факт, что Граждане и Уроженцы были в меньшинстве по сравнению с Уроженцами и Жителями, стал очевидным уже во времена отрочества и молодости Жан-Жака, и это положение усугублялось на протяжении столетия. Но можно ли из этого сделать вывод, что подобно тому как члены Малого Совета составляли своего рода аристокра-

³⁴ BING, XXXI, 1892, p. 25—26.

³⁵ Там же, стр. 27.

³⁶ «Genève au XVII siècle...» Amsterdam, 1685 (Traduit de l'italien — 1651).

³⁷ «Les mœurs genevoises de 1700 à 1760...», p. 41.

uscrits de la SHAG (далее — MSHAG), N 175. Mémoires concernant Natifs, Discours aux Illustres Seigneurs Plénipotentiaires des Puissances Médiatrices par quelques Natifs, en leur remettant le 8 août 1766 le mémoire remis à Monsieur le Premier Syndic le jour auparavant. — *Recrutement de la population dans les petits états démocratiques*. Genève, 1851, p. 58.

же, стр. 56.

тию по отношению к Гражданам и Горожанам, сами Граждане и Горожане были как бы «аристократией второго сорта» по отношению к Уроженцам и Жителям? Такой вывод был бы следствием некоего анахронизма, который тоже надлежит рассеять. Конечно, придет время, — а именно в 1766 г., — когда Уроженцы и Жители Конститудии, нашим основным законам и благочинию, требуются от Граждан и Горожан и выдвинут свои собственные требования. Насколько нам известно, ни один историк не мог сказать, что до этого года существовали раздоры между Уроженцами и Жителями, с одной стороны, и Гражданами и Горожанами с другой. Конечно, недовольство назревало прежде, чем оно действительно вспыхнуло. Сами Уроженцы, когда они решили написать «Историю народа Уроженцев», отнесли момент рождения их политических притязаний к 1738 г.: в 1734 и в 1737 гг., пишут Уроженцы и Жители еще выступают заодно с Гражданами и Жителями против Малого Совета:

«Народ Уроженцев спас народ Граждан»; но в 1738 г. бедные и дарные Горожане смотрели «на Уроженцев, как старых, так как вых, как на подданных, на привилегированных Иностранцев, в лучшем случае, как на простых Жителей. Это означало разделение народа на две части: из одной образовать государство, а из другой сделать фундамент, на котором должно стоять все здание... Уроженцы, которым открыли доступ к выгодным профессиям, стремились к ним»⁴¹.

Из этого же текста видно, что даже после 1761 г. Уроженцы не тавались равнодушными ко всем политическим спорам, порожденным вопросом о «негативном праве» Малого Совета. Стало очевидно, что политическое самосознание «народа Уроженцев» оформилось к концу 1761—1766.

В течение интересующего нас периода и по крайней мере в 1738 г. большинство Жителей и Уроженцев считают себя солидарными с Гражданами и Горожанами в борьбе против аристократии. Это аристократия, желая разделить, чтобы лучше властвовать, затеяла попытку противопоставить друг другу две категории Жителей против правительства и отдалить их от него распристого народа», что, впрочем, ей не удалось. Мы нашли многочисленные документы, которые это подтверждают, из которых видно, что сходятся от самой аристократии:

«Вчера пополудни многие Граждане и Горожане явились мне в деревню, чтобы выразить мне свои опасения в связи с пространчившимися слухами о некоем объединении некоторых из Советов с Жителями, что могло лишь нанести ущерб Гражданам и свести на нет новые Эдикты Генеральных Советов»⁴².

vers ouvrages, tant en vers qu'en prose au sujet des troubles de Genève, déposés par le Procureur Général Jean du Pan dans les années 1734—1736—1737—1738—1739», non paginé. MSHAG, N 1. Inédit. Journal de Perdriau de 1737—1740, aux dates des 31 août 1737 et 23 mars 1738. MSHAG, N 6. Inédit.

⁴¹ Histoire du Peuple Natif. MSHAG, N 324.

Махинации возобновились в 1781 г., на сей раз успешно, предсказание Жана дю Пана оправдалось, поскольку тот даэтот афронт и возбудить у Горожан дух беспокойства и любви-женцы, осознав свою силу, использовали аристократию. Котельности относительно источников власти, и это побудило их сама думала использовать их против Граждан и Горребовать общей реформы управления... Уроженцы, ранее быв-Уже приближалось время, когда и женевским аристокрагаже заодно с Горожанами, а через несколько лет после Революции дется в свою очередь изведать горечь изгнания: шпавшиеся с самым подлым простонародьем... Уроженцы и Горо-

«Однако Негативные⁴⁴, дабы присоединить внутреннюююне не считали себя двумя разными народами, с различными к тому влиянию, которым они пользовались вопне, прибересами и условиями жизни... Но замечательно предложение всякого рода махинациям с целью привлечь на свою сторону Фатио, брата главы Горожан. Он предложил создать прав-женцев и Жителей Города. Для увеличения численности оные по образцу Афин, подобно тому, что и в наши дни существ-добавили к ним путем своего рода вербовки, прислугу и инет в некоторых кантонах Швейцарии, и разделить население на цев, из тех, кто образует то, что повсюду называют *простонабы*. Это предложение, говорят, было освистано, но оно огражда-ем. Они их организовали в кружки, они их там подкармлищю крайней мере тот вид равенства, который царил тогда между делали им широкие обещания, чтобы привязать их к себе,южанами и Уроженцами, поскольку во мнении просвещенного создали в верхнем городе несколько кружков, состоявших рвека те и другие составляли одно... Эта Революция открыла Граждан и Горожан, входящих в их партию, так и из тойху в истории нашей Республики... Разумеется, в дальнейшем низкого народа, посредством которой они старались ее укрепты стремились предотвратить и остановить объединение Уро-Простонародье, связанное с последними (Негативными), щцев с Горожанами»⁴⁶. дившееся от того, что оно смешалось с наиболее видными Анонимный автор этого сочинения дает также ценные подро-более богатыми лицами Города, часто наносило оскорблениги для понимания народной психологии конца XVII и начала III в.: «Уроженец пользовался удобствами, доставляемыми ренным управлением, и поэтому не придавал большого зна-рии и археологии, убедительно доказывает, что в 1700—171я правам Горожанина. Поэтому, как меня заверили сведу-Уроженцы и Жители заодно с Горожанами выступали р люди, в течение XVII-века лишь 47 Уроженцев стали Горо-Магистратов. Этот документ содержит очень интересные дами, тогда как насчитывалось пятьсот иностранцев. С другой оны, Горожане, особые права которых сводились к единст-относящиеся к эволюции политических идей в Женеве воюной прерогативе избрания своих магистратов, не считали себя кризиса 1707 г., и показывает, какова была роль Пьера Ф овием, стоящим выше остального Народа... (В 1707 году), до-укреплении солидарности между Жителями и Гражданами: ные тем, что они лишили Советы права установления нало-и тем, что главные атрибуты суверенитета безвозвратно зал-«Революция, с которою правительству пришлось столкн и тем, что получили свободный доступ к различным олены за Генеральным Советом, Уроженцы сочли себя возна-1707 году, это тоже одно из следствий того просвещения, в кденными тем, что получили свободный доступ к различным просвещенный Народ ждали только подходящего случая, крессиям, к которым ранее их допускали только по прощени-освободиться от своего рода опеки, которую Советы осущес Женевцы — простые Уроженцы, по-прежнему называемые над ними в течение более столетия. Один умный человек, кданнами, не жаждали, как ранее, приобщения к законода-ненный от Малого Совета (куда он страстно хотел войти) (и ному корпусу. Советы предоставили им бесплатно все другие в виду Пьер Фатио) по тем соображениям благоразумия, в илегии, которых могут желать простые ремесленники: доступ ми обычно руководствуются главы маленькой Республики рзличным профессиям, должности унтер-офицеров и другие рые он считал частными интересами группы, задумал от оие должности, на которых их таланты могли быть полезны не. Таким образом, Уроженцы постепенно поднимались из праха, в который их ввергла предыдущая администрация».

⁴⁴ Так называли в Женеве членов Малого Совета, высшего органи- нительной власти, в связи с присвоенным им «негативным право- гать представления, с которыми обращались к нему граждане (и рев.).

⁴⁵ «Lettre d'un Citoyen de Genève à Mr***». A Genève, 8.IV 1781, p. stoire du Peuple Natif. MSHAG, N 324, p. 26—27.

Но в 1713 г. Советы захотели взять обратно те преимущества, которые были ими даны народу крепя сердце в 1707 г.: они рались «компенсировать пустыми почестями те права, которые в действительности хотели отнять у Горожан. Рассчитывали лишить их от интересов Народа, показав им, что это не близи люди... С другой стороны, те женевские подданные, которые того времени были украшены званием Граждан, оказались ввергнутыми в прежнее состояние деградации благодаря новацию Уроженцев, присвоенному им Гражданским 1713 года. Это означало еще большее отдаление их от Корпуса; это означало еще большее усиление симпатии от правительства. Под властью этой мрачной страданий прошло двадцать лет, после чего Горожане, разобравшись в своих подлинных интересах, поняли, что они — притом народ поработанный...»⁴⁷.

По-видимому, около 1760 г. Уроженцы начали осознавать у них есть свои собственные проблемы, и стали называться «Народ Уроженцев»: «Уроженцы помогли Горожанам в их тической борьбе, но ничего за это не получили. Ими воспользовались, их обманули, они оказались простыми орудиями жан»⁴⁸. «Уроженцу придется заставить своих сыновей теми профессиями, которые Горожанин считал достаточными или скудными, чтобы их ему уступить. Они, стало бы будет каменщиками, слесарями, плотниками, малярами, ми»⁴⁹.

Конечно, не следует воображать, что прежде категориями народа существовала совершенная идиллия в конце XVII в. можно отметить некоторые легкие симптомы того, что должно было разразиться 60 лет спустя. В весьма катальном рукописном сборнике «сочинений» ремесленника

⁴⁷ Histoire du Peuple Natif. MSHAG, N 324, p. 26—27.

⁴⁸ «Mémoire concernant les Natifs...» MSHAG, N 325.

⁴⁹ Антонн Бабель в своей превосходной работе «Les Métiers dans l'antiquité» (Genève, 1916) очень хорошо показывает, правда исключив с экономической точки зрения, «чисто материальные интересы», квивающие между собой горожан и уроженцев» (гл. VII). «По жителей и уроженцев в ремесленных цехах»). Но он указывает что лишь в 1738 г. Уроженцы, «допущенные впрямь ко всяким ремеслам» и получившие возможность «достигнуть звания мастера условия уплаты казне налогов, установленных указами и реди ми», поставили Граждан и Горожан перед серьезной угрозой репресии: и тогда Граждане и Горожане, пренебрегая советом Жюзе Руссо, ожесточились в своем эгоизме и, вызвав у Уроженцев обиды, заставили их выступить с собственными требованиями»

Делашана, сыгравшего большую роль в волнениях 1704—17 гг., мы находим такой многозначительный отрывок, датированный 1697 г.: «Женевский народ по существу очень хороший бод. Ему приходится иногда требовать, чтобы только он польался одним из самых существенных прав из всех, коими он адает: правом торговать в открытой лавке или со склада, в ичие от простых Жителей, какое право весьма несправедливо становилось и повседневно становится общим»⁵⁰.

Делашана жалуется дальше на «чрезвычайное и ужасное дело иностранных торговцев» и иронизирует над теми, кто схо- за Горожанина или, скорее, полу-Горожанина». «Несправедность передачи простым Жителям права, о коем я говорил, тем еее вопиюща и невыносима,— заключает он,— что она причис- тается Гражданам и Горожанам, почтенным и облеченным столь вым званием».

Дюбуа-Мелли, с другой стороны, отметил тот факт, что в 1730 г. овольство, выраженное Гражданами и Горожанами, заставило именить регламент, позволявший Жителям и Уроженцам быть пер-офицерами. Со своей стороны, мы нашли объявление от апреля 1728 г., запрещающее «всем Жителям и Иностранцам, зного бы сословия они ни были, держать лавки». Однако офи- льный характер этого объявления не позволяет установить, о ли оно опубликовано по требованию Граждан нижнего го- били по инициативе аристократии; аналогичное объявление и опубликовано еще 15 июля 1769 г. Другой неизданный ст, который не приходится подозревать в пристрастном освещении фактов, поскольку это Дневник Генерального Прокурора ду Пана, указывает, по-видимому, на то, что в экономическом вопроса аристократия несет главную ответственность за доставление привилегий Гражданам и Горожанам:

«Поскольку Малый Совет нашел правильным повысить плату приобретение прав Горожанина, дабы, вероятно, отстранить от о многих людей, коих не подобает принять, он должен был ирменить это право в пользу заслуженных людей и присваивать его иногда лицам, обладающим полезными талантами... для зления их в наш город»⁵¹. «Члены Малого Совета приняли ое решение об увеличении платы за прием в Граждане до ливров, без исключений, в чем, я думаю, их предусмотрели»

Bibliothèque Publique et Universitaire de Genève Ms. fr. 263. Portrait de Genève enjouée. Fait dans le mois de juin de l'année 1697, dit.

MSHAG, N 1.

гелность и осторожность несколько переходят границу... Пленению ли автора, который, желая изобразить умеренную демоде в это сословие не допускали никого менее чем за тысячу эгию, совершенно забывает о народе Уроженцев, как если бы Таким путем, разумеется, отстраняли тех, чье допущение по не существовал, или же самодовольству Горожан, которые с то-чало бы благу Государства, и не отстраняли людей с хорошивремени сочли себя как вне, так и внутри Генерального Совета разованием, чем-нибудь выдающихся и зажиточных, коих следями Суверена, хотя вне его они значат не больше, чем послед-принимать в нашу среду и они по своему состоянию будут и из Жителей. Господин Руссо стал их оракулом, между тем как, тересованы в соблюдении законов и порядка правления, в другой стороны, он стал подозрительным в глазах Совета, коему того, чтобы стараться запутать и ослабить его... Установленцого склада ум показался опасным»⁵².
Но как раз Жан-Жак в Посвящении к «Рассуждению о Нера-стве» очень ясно и весьма хвалебно упомянул об Уроженцах и телях: «Таковы, о, славные и многоуважаемые сеньоры, Граж-е и даже простые жители, родившиеся в управляемом вами го-арстве; таковы эти образованные и разумные люди, именуемые очими и народом, о коих у других паций имеются столь низкие ржные представления»⁵³.

Таким образом, добрый прокурор Жан дю Пан шел проти подствующего течения своей среды, когда 6 января 1741 г. в Представлении Совету Двухсот он предложил «заменить не-рые, слишком тяжелые для бедных жителей налоги другими ми обложения, направленными более на состоятельных». Ур-цы и Жители знали глубоко укоренившиеся чувства аристо-азывает стойкость его чувства солидарности в отношении всего, в отношении «простонародья», и они не заблуждались относите-есть народ, и его верность пережитому в годы детства: «Я не неваюсь в том, что Уроженцы выдвигали свои требования с-тактического характера тех или иных любезностей Малого Со-остью людей, считающих себя обойденными и полагавших, с-ми обложения, направленными более на состоятельных». Ур-их поддерживают. Но я не сомневаюсь и в том, что если бы цы и Жители знали глубоко укоренившиеся чувства аристо-ые граждане не дали себя ослепить богатством и соблазнить-менными интересами, они первыми предложили бы им тот по-е в отношении «простонародья», и они не заблуждались относите-еству очень справедливый, очень разумный и очень выгодный-тактического характера тех или иных любезностей Малого Со-всех раздел, которого те от них требовали. Теперь они стали в-определения, направленными более на состоятельных». Ур-шении жителей таким же аристократами, какими магистраты-цы и Жители знали глубоко укоренившиеся чувства аристо-гда были по отношению к ним самим. Из этих двух аристо-ий я все же предпочел бы первую»⁵⁴.

Итак, в 1712—1724 гг. юный Руссо не мог воображать, что звание Гражданина отделяет или хотя бы отличает его от ег-леньких товарищей Уроженцев: только его «нравы» и образо-могли создавать отличие между ним и большинством мальч-Сен-Жерве. Если Жан-Жак гордится своим званием Гражда-то эта гордость направлена против людей «верха» и их лаг-не против его братьев «низа». Вплоть до 1766 г. главным фа-определяющим политическую жизнь Женевы, будет раскол м-«верхом» и «низом». И лишь тогда когда ремесленники — б-дане, Горожане, Уроженцы, Жители — будут считать, что он-играла, начнется расхождение. Они забудут тогда о своей про-солидарности, и Уроженцы упрекнут Жан-Жака в том, что с-смешал с Гражданами,— между тем, как именно отсутствие у

Жака интереса к различию между Гражданами и Горожана-histoire du Peuple Natif. MSHAG, N 324, p. 58—59.
одной стороны, и Уроженцами или Жителями — с другой, был-uvres de J. J. Rousseau, t. III, p. 148.
ражением того, что для него существовал только один наро-и, XIX, 323 (lettre du 6.IV 1770).
члены которого были равны в борьбе за свободу. В этом с-рукописной «Histoire du Peuple Natif» «заметно влияние Вольтера.
весьма показательно сопоставление рукописной «Истории нй Республики, сделался защитником Уроженцев. «Господин Вольтер,
Уроженцев» с текстами Жан-Жака: известно, что патриарх Ферне, желая побесить Славный Совет Крошеч-зорил два года тому назад один гражданин, развратил великих мира-то, а господин Руссо увлек за собою малых... Особенно с тех пор, как

«Этот знаменитый писатель посвятил Республике свое Ра-посвящении своего Рассуждения о Неравенстве он присвоил гражда-Это посвящение, шедевр красноречия и политики, окончат-горожанам помпезный титул «славных и суверенных сеньоров» и-подняло всякого мыслящего человека из Горожан до уровня-ушился им, будто они действительно и вне и внутри Генерального Со-городных Венецианцев. Не знаешь, чему больше поражать с-а» («Mémoire de Sylvestre présenté à Voltaire.») О Вольтере и Урожен-см. также: J. Ceita c. L'Affaire des Natifs et Voltaire. Lausanne, 1956.

щимся тем, что он выше простых жителей. Ныне историки избегают такой ошибки и не дают неблагоприятного истолкования тому обстоятельству, что в сочинениях Руссо о Женеве Урожай и Жители занимают мало места: те три места⁵⁶, где он нарушает это молчание, показывают его подлинные чувства, восходящие к поре его детства.

*

Что основным фактом, оказавшим влияние на политическое воспитание юного Руссо, была противоположность между ремесленниками и аристократией богатых, между пародом, с одной стороны, и сбродом сеньоров и лакеев — с другой, в этом убеждении и много других примет, на самом глубоком уровне, на уровне «инстинктов», как говорили в то время. Ребенок или юноша, вероятно, мало интересовался абстракциями и научными терминами, которыми взрослые выражали свою жажду власти или почтения. Но это устремление он мог непосредственно наблюдать в повседневном быту и в некоторых явлениях действительности, к которым особенно чувствительны были мальчики и молодые ремесленные ученики. Напомнить эти явления — значит раскрыть глубокую связь некоторых взглядов Жан-Жака (приписываемых влиянию литературы или стремлению к парадоксам) с повседневными и социальными спорами, возбуждавшими женевцев в течение ряда десятилетий.

Мы не будем особенно задерживаться на том, пусть и разрывном факте, что уже сама география города и места прогулок являлись символом разделения общества на два класса. Отметим, однако, поскольку на первой странице «Исповеди» имеется ясный отклик на это обстоятельство, знаменитое место проговора в Трей, где, как предполагается, родители Жан-Жака когда-то говорили о счастье:

«Здесь (на променаде Парале) или на новом променаде в парке у Ля Трей, щеголихи и изящные молодые люди показывают свои туалеты. Что до других мест прогулок: Фюваре около улицы Тонелье, или площадь Молар, около Консилье, или площадь Лонжмаль, то они, равно и прогулочные места Сен-Савуара, были предоставлены людям из мелкой буржуазии... Своей целью шел возможным пока что допустить вечерние прогулки в Трей летом, до половины десятого»⁵⁷.

⁵⁶ Третье — это фрагмент из «Histoire de Genève», s. d. Neuchâtel, p. 21.

⁵⁷ Ch. Du Bois-Melly. Chroniques — Genève en 1706... Genève, 1907. Цитаты из реестров Совета от 15 мая 1701 г.

Народ постепенно завоевал право гулять на Трей, и если родители Жан-Жака гуляли на Трей около 1704 г., то только потому, что они тогда еще принадлежали к «верхнему» городу: Руссо подчеркивает это. Более показательны в этом отношении указы Республ. ограничивающие роскошь указы Республ. поскольку они издавались силой писаного закона. Эти указы устанавливали между различными сословиями различия, не имевшие ничего общего с женевской конституцией. Мари-Люсиль де Галлатен, написавшая весьма солидное исследование («Les Ordonnances Somptuaires au XVIe et au XVIIe siècle») ⁵⁸, цитирует тексты 1560, 1564, 1570 и 1581 гг., которые официально не устанавливая разделения женевского населения на три класса, фактически разграничивают права «служанок и горничных», «жен ремесленников и механиков», а также «крестьян и ремесленники и другие меньшего качества» называются так: «посредственными» и «других», т. е. аристократии. «Запрещено также впредь приглашать и собирать на свадьбе более одного человека на десять персон для меньших, более двух для посредственных и трех для других»⁵⁹.

Мари-Люсиль де Галлатен так комментирует этот текст 1581 г.: «Сохранены лишь неясные данные относительно этого деления женевского населения на три класса. Насколько нам известно, нет ни одного документа XVI и XVII столетий, который содержал бы сведения по этому вопросу. Г-н Ривуар полагает, что это деление не имело никакого законного основания. В XVIII веке, 10 февраля 1710 года, члены Палаты Реформы предложили и приняли систему разделения населения по профессиям. Поскольку мы еще не знаем этого периода истории указов, ограничивающих роскошь, мы не знаем, как эта мера была применена. Вопрос этот заслуживает углубленного изучения».

В самом деле этот вопрос затрагивает политические и социальные интересы, вполне осознанные женевцами XVIII в., и проведенные нами в этом направлении исследования дали много поучительного. Вот как действительно, за год до рождения Жан-Жака, в феврале 1712 г. Малый Совет впервые в истории Женевы официально установил «три состояния», иерархизируя все население по критериям, право определения которых он оставил за собой: «...дозволяются, однако, лицам первого состояния золоченые к Зеркалам и Портретам членов их семьи, шляпа с полями, и на конном экипаже, на плаще мужчин, отправляющихся в

⁵⁸ IDSHAG, t. XXXV, 1938, p. 191—277. Там же, стр. 247.

деревню, на женском костюме для верховой езды... Дозволяе-
однако, лицам первого состояния тафту и сатин для одеяла, да-
дахина и изголовья кровати...

Запрещаем мужчинам всякие шелковые ткани, под угрозой
штрафа в 5 эю. Дозволяется, однако, лицам из первого сосло-
ния, скромные ткани для платья и плаща, черный бархат, пр-
водный в этом городе...

То же в рассуждении кружев: запрещены те, цена коих
вышает 2 эю за локоть. Дозволяется людям первого сосло-
носить круг у запястья... А людям второго сословия запреще-
ное кружево, коего цена превышает один эю за локоть, как
разрешается мужчинам носить один круг у запястья...

Тем, кто третьего состояния, запрещается заказывать мо-
для похорон более, чем одному человеку, под угрозой штра-
15 флоринов...»⁶⁰

Подобные «запреты» и «дозволения» вызывают у нас уль-
по для женеvцев, живших в конце XVII и начале XVIII в
были серьезной темой разговоров и споров.

«За последние лет тридцать,— отмечает Григорио Ме-
1685 г.— распространение получила большая роскошь в одеж-
простых людей... Чрезмерная роскошь одежды, когда она проте-
в низшие классы, это как грязь на золоте»⁶¹.

Шарль Дюбуа-Мелли отметил в Ведомостях Совета много-
чаев нарушений указов, причем мотивы решений раскрывают,
кое важное значение придавали этому вопросу люди как низа
и верха: «Поль Л., часовщик из Сен-Жерве, но из магистрат-
семьи, вызванный за ношение кружевных манжет... заявляет,
он имеет честь принадлежать к семье, достаточно выдающей-
Государстве, и имеет право носить их...; осужден формы
Пернетта М., вызванная за ношение кружев на груди... ска-
что, хотя она и служанка, она жена часовщика... По ходатай-
Спиксмона Р. о дозволении его жене ношения нижней
индийского шелка, белого с красным... принимая во внима-
его профессию гравера, отвечено, что нельзя ему этого
шить...»⁶²

Сколько уязвленного самолюбия, сколько обид было след-
ем применения этих указов. В Дневнике Пердрио за 1739 г.
водятся соображения, по которым Малый Совет придавал
важное значение этим актам:

«Совет Двухсот... вынес заключение об уставах, ограничиваю-
роскошь... Заключение сводится к одобрению in globo и к то-
чтобы придерживаться последних правил, напечатанных в
25 году. По этому вопросу были большие прения на двух заседа-
ниях, отчасти из-за установленных в этих уставах делений на сос-
тия, каковые деления некоторые лица хотели бы отменить.
т есть соображения за и против.

Тщеславие в сочетании с некоторою справедливостью допуска-
равенство состояний в нашей среде, по благо народа требует со-
нения установившегося неравенства, в отношении законов, ог-
личивающих роскошь, еще больше, чем в других отношениях...
которым людям очень хочется раздавить все то, что называется
«приличные семейства»⁶³

Лишь в 1772 г. в связи с общим пересмотром указов, ограничи-
ющих роскошь, было отменено деление населения на людей пер-
го, второго и третьего состояний. Различия, предусмотренные в
зае в отношении одежды, проводились также и в наименованиях,
обычай точно устанавливал, кто имеет пра-
именоваться «демуазель», «дама», «мадам» и кто должен до-
ствовать формулой «именуемая так-то»: «Поскольку наи-
зование «мадам»... было запрещено с 1644 года по 1704 год, один
н Совета Двухсот предложил восстановить его... По закону за-
жная женщина или вдова, даже первого состояния, и независи-
от ее возраста, официально именуется «демуазель», если только
не обладает дворянскими правами, например, является владе-
ей фьефа с правом юрисдикции... фактически в отношениях
цественной жизни наименование «мадам» присваивалось лю-
женщине первого и второго состояния. Наименование «дама»...
ично давалось всем женщинам третьего состояния. «Дама
Реж, сыроварка...» Девушкам этого последнего состояния закон
азывал в наименовании «демуазель»: «Именуемая Сюзан...
упка простого состояния»⁶⁴.

Эта позиция в отношении женщин была тоже сознательным
важением раскола между верхом и низом. Ремесленники Сен-
рве подчеркнуто проявляли некоторое женоненавистничество,
рое имело причины экономического и политического характе-
и в то же время отражало их верность некоему порядку, тра-
диционному, христианскому и феодальному. Женевские часовщи-
опасались конкуренции своих собственных дочерей, даже своих
и, и добились издания ордонансов, запрещающих женщинам,

⁶⁰ Ordonnances Somptuaires de la République de Genève concernant
Habits, Ameublements, Mariages etc. Genève, 1911.

⁶¹ «Genève au XVII siècle...». Genève, 1851, p. 15.

⁶² «Les moeurs genevoises de 1700 à 1760». Genève et Bale. 1882, p. 8

Journal de Perdriau..., 6 et 11. III 1738.
Ch. Du Bois-Melly. Op. cit., p. 115.

даже вдовам, заниматься самыми благородными и самыми
ными профессиями производства часов. Для большей верности
шли до того, что запретили отцу обучать дочь своему ремеслу.
экономические заботы прикрывались соображениями морали
порядка: женщине хорошо оставаться у семейного очага, она
на охранять добродетели, унаследованные от предков. Укре
правила строгости, особенно те, которые они предписывали с
женам и дочерям, ремесленники, с другой стороны, весьма со
тельно выступали против стремлений знатных дам, желавших
ражать хорошему тону французов и оказывавших давлению
своих мужей, на славных сенюров Малого Совета, добиваясь
чтобы Женева несколько смягчила применение ордонансов
тельно театра, танцев или внешних проявлений богатства.
сенюры-мужья отнюдь не прочь были доставить им это удо
ствие: им самим хотелось угодить представителю короля
ции, любившему устраивать большие приемы и даже мечтав

об открытии театра в Женеве. Но ремесленники были насто
роптали. Народ использовал традицию шаривари, кошачьих
цертов, устраиваемых по случаю свадеб, чтобы сказать
дамам всю правду о них. У народа были свои зрелища, те,
и сам себе устраивал, и те, которые ему показывали канато
и владельцы марионеток и волшебных фонарей: мы нашли
менты, указывающие на политическое содержание этих ра
чений.

В самом деле, не следует думать, что те проблемы, котор
привыкли разделять, а именно: положение женщин, вопро
атре, о влиянии наук и искусств, о внешней политике, након
социальном равенстве, что все эти проблемы были отделены
от другой в сознании женевцев — как верха, так и низа. Те
показывают, что эти люди ясно видели политические послед
перемен в нравах, которых они желали или опасались. Все
построены на противопоставлении одного стиля, сурового, се
республиканского, связанного с библейской традицией и реме
ным трудом, стиля, который, ревниво подчеркивает свой чист
невский характер, другому, новому стилю жизни, аристокра
скому, отмеченному желанием подражать блеску двора Лю
ка XIV, Регентства или Людовика XV, стилю, готовому по
вать женевскую независимость ради французского просвещ
и вкуса. Перелистаем любопытный сборник Делашана⁶⁵, этой

портного, друга Пьера Фатю, собиравшего в своей лавке
писи под петициями, направленными против политики Малого
вета, до тех пор, пока его силою не заставили замолчать.

Его «Portrait rassourci de Genève enjouée», начатый в 1697 г.,
начинается с выпада против «иностранцев, коих правилам и обра
жизни Женева уже начала завидовать, с кем она слишком ча
привыкла бывать»: «... и так как я отнюдь не сомневаюсь, су
сь, в том, что вы побывали во Франции, вы там, конечно, заметили,
каждый там прежде всего занят модою и новинками. И мож
ли рассчитывать на то, чтобы [имярек], столь сильно увлечен
й красивыми пошлостями света, захотел сохранить свою ста
нную серьезность, и прическу и одежду примерно столетиде
летней давности.

Все эти переродившиеся в язычников христиане... уже прова
лись и погрузились по уши и даже выше головы в земной
тв».

Из религиозной и моральной сатира сразу становится социаль
Делашана обрушивается на «Парики», «изнеженные... жено
лишенные мужского образа», и объявля
«врагом Париков», сопровождая это аргументами, которые
ныне квалифицируем как антифеминистские. Затем следует
рассуждение о наименованиях «мадам, дама, демуа
ра» и т. д., далее — яростная критика балов и комедий, а также
анцузских беженцев, которые привезли с собою эту моду, а рав

и «карточные игры, библиотеки. Академию, эту прекрасную
связную науку, эту возвышенную науку». Всем этим развле
иям он предпочитает полросту «буржуазное вино», то, которое
зья распивают в своем кругу и которое еще хорошо тем, что
добождено от налога в силу привилегии для Граждан и Горо
н. С этою похвалою связано заклеймение «кабаков и домов раз
та», танцев и «шутовских игр» и особенно театра. Затем сле
от чисто политические рассуждения, которые мы цитировали в
ези с вопросом об Уроженцах и Жителях.

За этим резким памфлетом в прозе следует «Предупреждение
лабых стихах, которые плетутся вслед за прозаическим тек
м», в числе коих «Сонет о сообразности чувств Коперника и но
елей париков», и другой сонет «О восхитительном возвышении
одка Женевы», в котором выражены патриотические чувства:

янутой выше работе приводит интересный текст «Делашана, портного
из Лонжемаля»: «Честный человек, верный Богу и своей родине, не
жится людей, как не боится он земляных червей, какого бы класса и
характера они ни были.

⁶⁵ О Франсуа Делашана или Де ла Шана помимо неопубликованных
писи, которую мы будем часто цитировать, см.: Ch. Du Bois-M
Op. cit., p. 129—145; J. J. Spink. Op. cit. p. 14—15. Ж.-П. Феррье

Но со свойственной ему *Высоги* (хоть он и кажется не

Он отнюдь не плюет и не мочится, говорят,

Без того, чтобы не плевать и не мочиться на земли Саво

Этот самоучка нападает также на людей «верха» и на паству в приках за их презрительное отношение к «невежественному роду»:

Прости, стократ прости, друи-читатель:

Но пойми через мою *Цель* и через мое *Невежество*,

Что я никогда не колеблюсь говорить, как велит Бог;

И поэтому я лучше, чем немой пес Доктор.

Последние страницы рукописи почти все направлены против «неприличного, фальшивого, завитого и напудренного парика под пасторов».

Делашана постепенно становится все смелее и начинает писать в свой сборник описание реальных событий, которые в это время датирует. Таким образом мы становимся свидетелем нарастания революционной лихорадки 1704—1707 гг.: если свещенник тщательно воздерживается от всяких указаний, которые могли бы установить его личность, то теперь он позволяет себе писать, что «автор этой книги» «весьма близкий друг Франсуа Ла Шана». В июне 1704 г. он опять идет в наступление, вооруженный сонетами, на «исполненных спеси служителей культа». В 1705 г. он переписывает «небольшую проническую речь, которую упомянутый Де Ла Шана считал своим долгом обратить к господствующим светским проповедникам, чтобы просить их прекратить их полезную проповедь»:

«Да, Великие Проповедники, смеем думать, и не без причины, что те, кто несколько не стесняется ходить с мукою на спине, плечах в любое время и в любом месте, безо всякого затруднения смогут носить и применять то, что лучше всего пахнет Человеком. Что касается того, что вы называете *диким*, вероятно, оттого, что я не особенно приручаюсь ко всем светским манерам; то я от души молю Бога дать мне остаться всегда таким диким».

Не трудно понять, почему мы столь обильно цитируем Франсуа Делашана: мы находим в нем все темы первого «Рассуждения» Жан-Жака Руссо и его «Письма к Даламберу», некоторые существительные слова из словаря Жан-Жака, как, например, «дикий» и это стремление сохранить верность старым нравам и вере предков вопреки зловредному влиянию Пасторов

которые в большинстве своем суть «обезьяны и лакеи людей кальвинистской традиции, приходится затормаживать себя, избе-

Лучшие издатели «Рассуждения о науках и искусствах» и Письма к Даламберу» очень туманно говорили о «женевском пуританизме» Жан-Жака как о продукте поведении женевских пасторов. Но в XVIII в. не существовало Женевы; были две Женевы, две непримиримые сестры, чавшиеся за оружие друг против друга, и их последовательное примирение служило лишь необходимыми передышками в гой гражданской войне. Говорить о «женевском» характере соений Руссо — значит ничего не сказать, пока мы не осознали, решающим и единственным было влияние Женевы «низа», равненное против разлагающей роли аристократов и пасторов ариках. С другой стороны, комментируя текст Франсуа Делашана, не следует впадать в крайность, противоположную той, которая приписывает женевским пасторам преувеличенное влияние сына часовщика Жан-Жака: резкие нападки Делашана на пасторов отнюдь не означают, что он охладил к кальвинистской вере. против, поражает, что Библия — его настольная книга, он ее всегда страстно. Он заканчивает свою рукопись призывом, обращенным к его детям, он советует им сохранить верность «пророку и голый исторической Вере», и вот его последние слова: «Нет сомнения без Веры. Нет Веры без добрых дел. Нет добрых дел без связи к Богу; и, следовательно, не трудно их совершать».

Перейдем теперь к другому лагерю и посмотрим архивы людей «верха». Мы убедимся, что создание театра в Женеве было одним из предметов их самых постоянных *политических* забот. Они ждали от этого не только удовольствия для себя и своих дам, но и иной выгоды, во внешней и во внутренней политике. Они видели в этом знак верности их великому протектору, королю Франции, который всякий раз, когда народ выступал против прерогатив Совета, предлагал свое «посредничество», поддержанное войском, и в качестве арбитра решал спор в пользу Малого вета. Дневник Пердрио за годы кризиса 1737—1740 гг. показывает, что резидент Франции и чрезвычайный посланник его Величества рассматривали себя в Женеве не как дипломатов, а как агентов короля, управляющих одною из его провинций. Граф Потрек не успокоился до тех пор, пока не получил разрешения записать в своем дневнике: «Все находят, что эта Комедия очень не кстати. Дай бог, чтобы она не обернулась трагедией».

Пасторам вместо того, что выполнять роль хранителей строгой кальвинистской традиции, приходится затормаживать себя, избе-

гать соблазна и скандала и для этого заблаговременно запр-самим себе и своим супругам посещение спектаклей. Тот же-рио отмечает в своем дневнике: «Достопочтенный Класс-регламент, запрещающий посещение пасторам, их женам-дентам-богословам». Обстановка изменилась по сравни-1681 г., когда возникла дискуссия между Малым Советом и-почтенным Обществом пасторов по вопросу о представлении-да», или даже по сравнению с 1706 г.: «Достоуважаемый Ф.-щает, что он вызвал лиц, присутствовавших на комедии в-Эскалады⁶⁶, и что эти лица выражали удивление, почему, ма-мая во внимании обстоятельства времени, их порицают за-где они не učinили ничего неприличного, где они были то-своими родными, без особых костюмов и без скрипок»⁶⁷.

В 1714 г. вопреки указаниям Консистерии «две или три-бы... играли в пьесах Мольера и в итальянских пьесах... По-дела эти зрелища лишь расслабляют сердца и умы, внушают-ступные страсти, и наши предки всегда испытывали закон-вращение к подобным спектаклям». Эти добродетельные фраз-мешают Малому Совету сохранять в силе предоставленные-«особам» разрешения. Итальянская комедия проникает в-буржуазии. В 1720 г. «Скупой» исполняется в доме капитана-ре⁶⁸. 1 апреля 1737 г. Генеральный Прокурор Жан дю Пале-гает перед Советом Двухсот, какие глубокие соображения-ют изменения нравов города в этой области:

«Спокойствие, которым мы начинаем наслаждаться, обя-нас дать нашему городу более веселый вид при помощи гу-ных развлечений, более хороших, чем те, которые у нас быва-времени до времени. Вот почему я повторяю предложени-сешное здесь несколько месяцев тому назад одним членом М-Совета, о приглашении на несколько месяцев в течение годя с XVII в., в дни национальных праздников женевцы любикой-нибудь хорошей труппы... Вопреки предрассудкам Театр-час так очистился, что он, шутя, дисциплинирует и исправ-дурные и смешные привычки гораздо более успешно, чем ст-строгие Проповеди... Комедия веселит воображение, краси-смягчает сердце, стало быть, и нравы. Оттого, что такого рода-влечения несовместимы с тоскою вредных страстей и серьез-

⁶⁶ 21 декабря 1602 года войска герцога Савойского без объявления-начали на Женеву, взяли приступом крепость и вторглись в гор-были отброшены жителями с большими потерями. Годовщина это-бытия, одного из крупнейших в истории Женевы, празднуется в-гих семьях (прим. перев.).

⁶⁷ Ch. Du Bois-Melly. Op. cit., p. 81.

⁶⁸ Там же, стр. 152—155.

итики, panem et circenses («хлеба и зрелищ». — E. P.) Греков и-дьян было, по мнению их законодателей, вернейшим способом-ратить народ от критики правительства. Комедия привлечет-а в большем числе иностранцев, и они дольше останутся среди-

Но народ смотрел на это по-другому и вовсе не хотел отвернуть-от «серьезности политики» и от «критики правительства». Его-дне устраивали те развлечения, которые он себе устраивал. Но-развлечения не нравились Малому Совету, считавшему, что-были для народа поводом перейти от свободы к распущенно-и от смелости к дерзости. 21 апреля 1701 г. Консистерия вы-шла с обвинениями против канатоходцев, вызывавших скопле-народа «вплоть до 8 часов вечера»: «...они гасят все свечи. Это-сет привести ко всякому озорству».

Малый Совет, разрешивший и поощрявший театральные пред-ления, организованные в домах хозяев «Верхнего» города, уз-о том, что «на савойской границе политические беженцы ста-ть привлечь женевскую публику своими веселыми итальян-ли фарсами, то в Каруже, то в Гранж-Канар», запретили же-сам участвовать или присутствовать на «этих постыдных зре-бах». Предместья Каруж и Гранж-Канар, расположенные на-е Сардинии, за стенами города и вне сферы надзора Малого-та, были традиционным местом встречи всех дезертиров и-анников, желавших восстановить контакты со своими друзья-оставшимися в городе. Жан-Жак жил там в 1737 г., как раз во-гуя волнений. Кукольный театр, где крамольные «pupazzi»⁷⁰-носили подрывные речи к великой радости простого народа,-внушал страх Малому Совету. А между тем содержание этих-ньких представлений было, как правило, патриотическим: на-смотреть, как их дети изображают героических защитников-авской независимости в полуимпровизированных или, наобо-дительно подготовленных представлениях с марionетками. ила неизменно заканчивалась повешением «изменника Шафар-». Жан-Жак приводит в «Исповеди» и в «Письме к Даламбе-интересные подробности на этот счет:

В Женеву прибыл итальянский шарлатан *Гамба-Корта*. Мы-жды пошли посмотреть его, и больше не захотели туда ходить.

⁷⁰ НАГ, N 1 (1737). Inédit.

pazzi, куклы итальянского театра марionеток, пользовавшиеся широ-и популярностью и во Франции, были рупором смелой плебейской со-альной сатиры (прим. перев.).

Но у него были марионетки, и мы принялись делать марионетку шпату с тою гордостью, которая так подобает несчастной его марионетки исполняли своего рода комедии, и мы тоже родители. Затем он продолжал играть со своею ласкою, не списали комедии для наших марионеток. За недостатком опыта до ответа на оскорбления своих стражей. Он умер, как подоподделывались под голос полишинеля, играя эти прелестные умереть мученику, за дело свободы.

Жан-Жак уточняет, что «дворяне с ложкою» представляли «необщество савойских дворян, давших обет грабить жителей Женевы, и носивших в качестве знака их общества ложку, вешенную на шею». Эти имена и названия были известны ему, ребенку и отроку, и они припомнились в 1728 г., когда он без имени Женева: «Продолжая путешествовать по свету, я добрался из Женевы: «Продолжая путешествовать по свету, я добрался Сонфиньона, в савойских землях, в двух льё от Женевы. Кюре являлся там г. де Понвер. Это имя, знаменитое в истории Респикки, очень поразило меня. Мне было интересно видеть, как глядят потомки дворян с ложкою».

«В молодости, — рассказывает он в письме к Даламберу, — тал трагедию Эскалады, где одним из действующих лиц был Мне рассказывали, что однажды, во время представления этого сы этот персонаж, выйдя на сцену, оказался двойным, как если оригинал был недоволен тем, что осмелились его подделывать, все так испугались, что разбежались, и пришлось закрыть представление. Это смешной рассказ, и в Париже он покажется забавнее, чем в Женеве»⁷¹.

Черт был на стороне католических войск, которые хотели помощи лестниц взобраться на крепостные стены Женевы и дательски захватить город. Если были предатели, то были и жительские герои, и Жан-Жаку приятно представлять себе. Этих наивных шутливых сценок когда-нибудь родится настоящее патристический театр, персонажами которого будут те же вызывавшие в нем энтузиазм в детстве:

«Несомненно, что пьесы, имеющие содержанием, как у Пико обратил на себя внимание еще во время волнений 1736— прошлые страдания родины или нынешние недостатки г. своим «дурным образом мыслей», и уже бывал арестован. могли бы дать зрителям полезные уроки. Но каковы герои вня 1737 г. Пердрио отметил в своем дневнике: «Жакоб Пленс, трагедий? Разные Бертелье, Леврери? О, достойные граждане, мне отнюдь не нравятся. Последнее будет наверно иметь след- нечно, вы были героями, но ваша неизвестность вас унижает, ем помилование Пико».

простые имена бесчестят ваши великие души, а мы сами не-ри года спустя, 6 ноября 1741 г., как нам известно из уже цит- точно велики, чтобы быть в состоянии восхищаться вами. Бужанной ранее рукописи, Генеральный Прокурор Жан дю Пан- будет нашими тиранами? Дворяне с ложкою, женевские епископ жаловался Совету Двухсот на распущенность «низкого наро- графы Савойские, потомки владетельного дома, с которым мы используемого, в частности, шаривари для оскорбления по- недавно вели переговоры и кому мы обязаны почтением мзу аристократов.

назад лет пятьдесят я не поручился бы за то, что Дьявол и о дю Пан был еще одним из тех умеренных аристократов, ко- христ тоже не имеют там своей роли»⁷².

В ряде мест Жан-Жак подчеркивает также народный, павоевать доверие народа политикою примирения. Потерпев ческий и республиканский характер своих замечаний: «Фачу в своих попытках дать новое направление политике свое- Бертелье был Катонем нашей родины, с тою разницею, что асса, дю Пан искал утешения на литературном поприще и на- ним началась общественная свобода, а с другим она кончилась комедию в пяти актах, озаглавленную «Бред Политиков»⁷³, держал ручную ласку, когда пришли его арестовать. Он

⁷¹ «Lettre à d'Alembert», p. 162.

⁷² Ibid., p. 161—162.

⁷³ «Délire des Politiques». Comédie nouvelle composée par J.B.P., Procureur général de la République de Genève en novembre 1734.

в которой его оценка социальных отношений в Женеве того времени и его политические взгляды получили довольно полное отражение. Эта, так и не увидевшая свет рукописная пьеса является ценный литературный документ, позволяющий ближе познакомиться с общественным бытом, мышлением и даже с житейскими привычками женеверцев XVIII в.

Чтение текста убеждает в том, что действующие лица пьесы живые и вполне конкретные современники автора. Узел интриги — дело «повертывания» и «заклепывания» пушек. Аристократы приняли решение окончательно усмирить женевский народ и сделать целью пушки, обычно направленные в сторону Савойи, бомбардировку вернутой в направлении народных кварталов; те пушки, которые почему-либо не удалось повернуть таким образом, были заперты и выведены из строя. Но для выполнения этого замысла пришлось прибегнуть к людям из народа. Заговор был раскрыт, а правая партия организовала сопротивление, и все дело кончилось разгромом аристократов.

В комедии этот исторический эпизод переплетается, как всегда, с любовными интригами и интрижками, в которых тоже участвуют представители и представительницы разных социальных слоев Женевы. На протяжении всего действия автор ставит перед собой задачу показать различия между представителями «верха», которых он называет патрициями, с представителями «низа», именуемыми плебеями. При этом он показывает противоположность взглядов двух классов, но и различия в характере и существующие между отдельными их представителями. Если бы Карроде с наивным цинизмом говорит, что он всегда предан тому, кто держит власть в своих руках, и хотя он и плебей по происхождению, но знает, что от народа выгод ждать ему не приходится, если запосычивый «щеголь» Бонер с высокомерным презрением называет о фабрикантах, часовщиках и других грубиянах, желающих притязать на равенство с ним, то умеренный патриций Веридик, явно выражающий мысли автора, напоминает о единственном суверенном является община, что доля плебея — лица — лишь ее уполномоченные, что эти полномочия не могут быть взяты обратно, когда ей угодно.

Во втором акте появляются главари плебеев. Один из них, Карроде, представляющий крайнее направление, заявляет, что когда особенно не задумывался над тем, где Право и где Справедливость, то только приятно унижение тех, кто постоянно проявляет по отношению к плебеям. Другой, Валь-дю-Фран, подчеркивает, что насилие никогда не уместно в хорошо организованном обществе. Он рекомендует соблюдать порядок и умеренность и не поддаваться движению требований.

Затем происходит встреча главарей обеих партий, и это повод для дискуссии на одну из излюбленных тем того времени — о предоставлении «свободы» и «распущенности». «Умеренный и разумный» Тимоклес заявляет, что «свобода — удел людей, а «щеголь» Бонер возражает, что «в их руках она превращается в распущенность, ведущую прямо к анархии, а отсюда до рабства лишь один шаг». На что Тимоклес отвечает: «Законная охрана привилегий — это отнюдь не анархия. Смешанная и умеренная власть всегда является лучшею. Это все, чего они требуют». Во время следующей встречи умеренные представители обеих партий спорят друг с другом:

Тимоклес. ...Нет, не благо общества волнует их, а жажда деспотической власти.. Это тирания.

Веридик. Слишком сильно сказано, г. Тимоклес... Ваши земляки заходят слишком далеко... во всех делах надлежит искать среднее решение...

Тимоклес. ...Я, как и вы, предпочитаю единение сердец большому или меньшему объему власти».

Из разговора Веридика с дамою Люсенд, которую он любит, узнаем, что этот умеренный патриций не пользуется признанием в своей среде:

Люсенд (Веридику).— Вас называют сумасшедшим, фальшивым братом, изменным сердцем и трусливым льстецом народу... Вы видите также, как наши благородные Горожане относятся к вашим предложениям».

В пятом акте, естественно, дело завершается компромиссом, который позволяет всем спасти лицо. Один из народных вождей, Бонер, заявляет:

Отношения, которые я, по своему ремеслу, поддерживаю со своими, позволили мне узнать их... они воображают себя некими римскими диктаторами. Народ в своей массе должен только жить для их славы... Я признаю, что наши враги обладают большими способностями в управлении делами, должностями и финансами, но наше единение, наше мужество и наша численность могут перевесить это превосходство.. »

*

Изучения нравов и политических идей Женевы времен детства Руссо эта пьеса дает больше, чем многие исторические или политические трактаты. Не следует думать, что ребенок или отрок народа не мог подняться до общих идей, что юный Жан-Жак не

мог проникнуть в область политического мышления иначе, и редевшись в Римлянина, читая Плутарха, глядя, как взрослые, или получая удары от своего мастера-хозяина. Между тем патриотизм народа Женевы питался недоверием и завистью к французским монархам. Дед Жан-Жака получал выговоры и порицания от Малого Совета за то, что допустил в своем доме, наиболее близком к дому резидента Франции, праздничную иллюминацию по случаю поражения союзника Франции: в 1690 г. король Вильгельм III разбил ирландскую армию. Это была «победа протестантского дела в Европе и поражение для Франции».

Малый Совет, испугавшись, «что г. резидент Франции мог бы думать, что эта демонстрация общественного ликования произошла без нашего одобрения», поспешил направить к резиденту литых делегатов, которые заверили его, что Малый Совет удивлен огорчен этими волнениями и полностью порицает и осуждает отношение граждан Женевы к Савойе было не лучше, как мы отмечали ранее.

Этот ревнивый патриотизм еще обострялся действиями резидентов Франции и медиаторов, представлявших Его Христианнейшего Величества. Около 1703 г. один из них использовал свой дипломатический иммунитет, чтобы практиковать незаконную торговлю драгоценными металлами (эту торговлю строгойше регламентировали в Женеве в интересах часового и ювелирного промыслов). Если ремесленники были настроены враждебно к Франции, то швейцарские банкиры, пользовавшиеся расположением Версальского двора, служили внешней политике короля в расчете на его поддержку в деле усмирения беспокойного женевского народа. Так, имер, 18 июля 1737 г. банкир Теллюсон заявил на заседании Малого Совета: «Третьего дня я имел счастье беседовать довольно долго с Его Превосходительством (т. е. резидентом Франции. — Е. Р.), который должен вам сказать, что он засвидетельствовал мне очень хорошее расположение к нам и особенно к восстановлению подлинной конституции внутри нашей страны»⁷⁴.

Для народа Женевы связь между патриотическим идеалом свободы была очень тесною, и проявлялась она в планах. Во-первых, надлежало охранять независимость Родины от двух ее могучих соседей, Франции и Савойи, во-вторых, и в-третьих, приходилось постоянно бороться против попыток вторжения этих двух монархических государств под предлогом защиты или посредничества свергнуть республиканскую формулу и превратить ее свободных граждан при содействии Малого Совета в послушных подданных.

Воспоминания о героических делах первых защитников Женевы, праздник Эскалады, военные учения и празднества, и «отца, сильнейшею страстью которого была любовь к родному городу, который, сжимая сына в своих объятиях, говорил ему: «Наша любовь свою страну», — все это, конечно, оказывало сильное влияние на душу ребенка, тем более ребенка из народа. Среди членов аристократии тоже могли быть искренние патриоты, даже Генеральный Прокурор Жан дю Пан, в честности которого приходится сомневаться, с огорчением отмечает упадок патриотического идеала у некоторых людей его круга.

Сам Жан дю Пан, как и молодой Руссо, был воспламенен примерами патриотизма, которые древние народы давали жителям Женевы, но он никогда не позволял себе критиковать правительство Франции в дела Женевы. Тем более не мог он радоваться радости по поводу поражений французской армии, эти поражения и открывали некоторые надежды братским протестантским народам, страдавшим от гнета монархии Бурбонов.

Между тем патриотизм народа Женевы питался недоверием и завистью к французским монархам. Дед Жан-Жака получал выговоры и порицания от Малого Совета за то, что допустил в своем доме, наиболее близком к дому резидента Франции, праздничную иллюминацию по случаю поражения союзника Франции: в 1690 г. король Вильгельм III разбил ирландскую армию. Это была «победа протестантского дела в Европе и поражение для Франции».

Малый Совет, испугавшись, «что г. резидент Франции мог бы думать, что эта демонстрация общественного ликования произошла без нашего одобрения», поспешил направить к резиденту литых делегатов, которые заверили его, что Малый Совет удивлен огорчен этими волнениями и полностью порицает и осуждает отношение граждан Женевы к Савойе было не лучше, как мы отмечали ранее.

Этот ревнивый патриотизм еще обострялся действиями резидентов Франции и медиаторов, представлявших Его Христианнейшего Величества. Около 1703 г. один из них использовал свой дипломатический иммунитет, чтобы практиковать незаконную торговлю драгоценными металлами (эту торговлю строгойше регламентировали в Женеве в интересах часового и ювелирного промыслов). Если ремесленники были настроены враждебно к Франции, то швейцарские банкиры, пользовавшиеся расположением Версальского двора, служили внешней политике короля в расчете на его поддержку в деле усмирения беспокойного женевского народа. Так, имер, 18 июля 1737 г. банкир Теллюсон заявил на заседании Малого Совета: «Третьего дня я имел счастье беседовать довольно долго с Его Превосходительством (т. е. резидентом Франции. — Е. Р.), который должен вам сказать, что он засвидетельствовал мне очень хорошее расположение к нам и особенно к восстановлению подлинной конституции внутри нашей страны»⁷⁴.

Однако народ Женевы систематически, мы сказали бы почти постоянно желая более довольствоваться пустыми словами, с которыми Малый Совет благоволил обращаться к нему ежегодно. Магистры не могли отрицать, что народ Женевы «рождается свободным» теоретически он является сувереном. Однако Совет старался не давать или затемнить ясные требования Граждан при помощи хитроумных различий, неустанно повторяемых. Первое различие — это различие между «свободою» и «своеволием» или «распорядком».

74. по: J. P. Ferrier. Histoire de Genève des origines à 1789. Genève, 1, p. 458.

Народ Женевы, со своей стороны, старался доказать аристократам, что он вовсе не смешивает «свободу» с «распущенностью». Это эта основная конструкция Государства не может быть раста-
фоне этого спора понятна забота Жан-Жака о том, чтобы честь не расторгнута или изменена только с общего согласия обеих сторон... Она может
черкнуть в «Исповеди», что в своем детстве он был «шагуном...
не распущенным», хотя старший брат его «пошел по пути и наша Республика есть смешанная Республика, правление кото-
ренности».

С другой стороны, Граждане и Горожане были совершенно Правление не чистая демократия и не чистая аристократия,
нодушны к другому различию, с помощью которого Малый аристо-демократия.

старался их успокоить, различию Суверенитета и Правления. Благодаря этой мудрой умеренности, одобренной политиче-
неральный прокурор до Пап, выступая 8 декабря 1738 г. в их деятельности, наши предки сумели сочетать в правлении
Двухсот, попросту заявил, что Гражданам надо сказать, «что и свободу, власть без тирании и свободу без распущенности
не вмешивались в дела Правительства, так как они выше беспорядка»⁷⁶.

мания»⁷⁵. Он не пропускал ни одного случая, чтоб воздать несостоятельность этой теории «аристо-демократии» разобла-
«секретности, являющейся душою государственных дел» и сь тою самою декларацией, которая в 1707 г. устанавливала
«ствием доброго порядка».

Малый Совет не отрицал того, что народ Женевы является той декларацией синдик Шуэ признавал, выступая перед Гене-
веренным», но утверждал, что этот народ в собственных ирным Советом, что Женева юридически была безусловно демо-
«делегировал» (передоверил) осуществление своей власти ией. В том же 1707 г. Генеральный Прокурор Ле Фор стал на
тельствству», состоящему из 25 членов, единственно способному пу народа и заявил: «Здесь власть есть не что иное, как все
нить секретность во внешних и поддерживать порядок во веты, ее представляющие, и господа синдик, хотя они руково-
них делах страны.

«Все знают, каковы важнейшие общие принципы Праграждане»⁷⁷.

и что нет подлинной свободы, если нет порядка и правите 1718 г. нелегально распространялись два письма «без даты и
Опыт показал людям, что самое благородное применение одписей, призывавшие к анархии, исполненные мятежных за-
боды заключается в установлении между ними порядка, ний против всех правительств вообще и против нашего, в ча-
ния, коему они все обязываются подчиняться именно в сти». В этих письмах, судя по афише, которая их осуждала,
сохранения их свободы, что правление должно быть устой жалось заявление, «что лишь там народ свободен и правитель-
иначе они впадут в то бедствие, которого хотели избежа законно, где народ сам осуществляет суверенную власть», а
навливая это правление. страт и Советы обвинялись «в стремлении узурпировать пра-
рода»⁷⁸. Первое из этих писем, судя по резюме, данному в Ве-

Что для придания ему устойчивости нельзя было пост-
иначе, как установить порядок, закрепленный в Законах и стях Совета от 9 декабря 1718 г., требовало «лишения Сове-
за», регулирующих его форму и методы, каковые законы и права осуществления суверенной власти (которую доверил
именуются основными законами правления, и в каждой от собравшийся в Генеральном Совете)» и «призывало на-
стране составляют то, что называется Конституцией Госд- тому, чтобы он вернул себе эту власть».

к которой добавляют обычаи древности, соблюдаемые в ли дети и подростки женевского народа, вероятно, плохо раз-
Правления. пись в различиях между «суверенитетом» и «правительством»,
Что эти Указы и Основные Законы, по своей природе и у «демократней» и «аристо-демократней», то они были способ-
ли Законодателей и Основоположников Республик, вечны нять условия осуществления суверенитета. Важнейшим из
зуют взаимнообязывающий договор между теми, кто пр- влялось свободное и тайное голосование на Генеральном Со-

⁷⁵ «Recueil d'édits, déclarations, actes, mémoires et autres pièces (ou cueil d'édits...», N 14, 1734.
les troubles de Genève et leur pacification», t. I, N 7. moires et documents publiés par la SHAC», t. XXXIV, p. 199—204.
ick O' Mara. Article cité, p. 250.

Народ нередко возмущался тем, что граждане во время в Генеральном Совете не пользуются полной свободой. Всем известно, что это право в руках тех, кто захотел бы им деле, голосование заключалось в том, что каждый голос употребить в будущем, может стать средством создания армии, проходя мимо одного из секретарей, говорил ему на ухо, ашения этим путем народа и содержания его в рабской зависимости»⁷⁹. Граждане требовали тайного голосования и»⁸².

Малый Совет отказался пойти на такое «новшество», но именные письма 1718 г. тоже настойчиво выдвигали вопрос предложением, «что записки часто будут использоваться для того, и осуждающая их Прокламация отмечает, что эти письма содержат «положения, направленные к тому, чтобы лишить людей, что там будут писать бранные слова, что, поскольку бо право установления налогов, которое они имеют на основании наших давних Указов, в частности Указа от 1570 года, и которое не умеет ни читать, ни писать, то это правило лишает их права голосовать, что в таком же положении окажутся слепые и старики»⁸⁰.

Сигнал к возмущению подал Франсуа Делашана: в самом 1706 г. представители проявляли в этом вопросе еще большую избрания синдиков он возобновил «предложение об избрании записках», затем передал вновь избранным синдикам заявление, под которым он собирал подписи, как под инициативность: «Каким несчастным роком объяснить, что наше положение стало хуже даже положения тех народов, которые родились подданными и принадлежали своему Суверену по праву завоевания: тем не менее они не несут никаких налогов и не опасаются при необходимости у них попросят эти налоги как добровольный дар и без всяких последствий для будущего времени»⁸³.

Когда ему запретили публично собирать подписи, народ пошел писать петицию к нему в лавку. Малый Совет отказался принять честь петицию и не обратил никакого внимания на подписи. Когда ему запретили публично собирать подписи, народ пошел писать петицию к нему в лавку. Малый Совет отказался принять честь петицию и не обратил никакого внимания на подписи. Когда ему запретили публично собирать подписи, народ пошел писать петицию к нему в лавку. Малый Совет отказался принять честь петицию и не обратил никакого внимания на подписи.

Порядился все сжечь. Совет Двухсот вынес порицание Делашана против порицания голосовал только один Пьер Фатио. В 1707 г. были в большой мере вызваны отказом аристократов и дворянство удовлетворить требования народа по этому вопросу.

Другое народное требование, сформулированное Пьером в 1707 г., тоже выдвигалось при каждом движении «преданий» или манифестации: это было требование созыва «периодических собраний», посредством которых в определенные, установленные даты народ брал бы обратно в свои руки гражданские прерогативы, чтобы продемонстрировать, что суверенитет принадлежит народу и этот суверенитет он доверяет по желанию правительству, им избранному:

«Народы, которые, будучи рождены свободными, желают сохранить свою свободу, должны принять только одну меру предосторожности: резервировать за собой право иметь периодические собрания и право облагать себя налогами, когда это диктуется потребностями»⁸¹.

Лозунг «периодических собраний» родился из другого требования народа Женевы — права голосовать на выборах, оставляя этого вопроса на усмотрение Малого Совета: «Мы знаем, что отнюдь не питаем недоверия к тем, кто нами управляет»

⁷⁹ Ch. Du Bois-Melly. Op. cit., p. 105—106.

⁸⁰ Там же, стр. 128.

⁸¹ «Recueil d'édits, déclarations...», N 16.

же.
Recueil d'édits...», N 11, p. 12.